

АНА САКРУ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

De

ДРОЖИ

Ана Сакру До дрожи

Серия «Кереефовы-Лютики», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69932938

SelfPub; 2024

Аннотация

Алиса: Я люблю Глеба Яновича Наумова, своего преподавателя истории, уже год. До этого вечера мне казалось, что безответно. Но сегодня у меня наконец появилась надежда, что мы сможем быть вместе, несмотря на разницу в положении и возрасте. И я сделаю всё, чтобы наш шанс быть счастливыми не упустить. Слышал меня, Базов? Можешь шантажировать меня сколько угодно, настоящую любовь не сломить! Она преодолеет любые преграды, придаст сил, осветит путь во тьме... Артём, придурок, хватить ржать! Тебе такие чувства просто недоступны... Артём: Можешь крутить носом сколько угодно, Цветочек. Я всё равно поймею тебя. История Алисы Лютик. Совершенно самостоятельная. #пошло и смешно #весело и грустной #точно_душевно

Содержание

Глава 1. Алиса	4
Глава 2. Алиса	10
Глава 3. Алиса	17
Глава 4. Алиса	21
Глава 5. Артём	28
Глава 6. Артём	34
Глава 7. Алиса	41
Глава 8. Алиса	48
Глава 9. Алиса	51
Глава 10. Алиса	59
Глава 11. Артём	66
Глава 12. Артём	71
Глава 13. Артём	77
Глава 14. Алиса	85
Глава 15. Алиса	91
Глава 16. Артём	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ана Сакру

До дрожи

Глава 1. Алиса

– Да, я понимаю о чём ты, – Глеб Янович сжимает пальцами переносицу, мерно расхаживая по крытой уличной кухне нашей базы.

Вижу его, и вдоль позвоночника простреливает электрический разряд, сердце срывается вскачь. Ничего не могу с собой поделатъ – он такой красивый.

И взрослый...

Он старше меня на четырнадцать лет, и это вечность для любви, я понимаю.

Но не могу о нём не мечтать.

– Алис, от меня что-то надо? – Глеб Янович резко тормозит посреди кухни и фокусирует на мне взгляд своих почти прозрачных голубых глаз, прикрывая ладонью динамик телефона.

Вспыхиваю как маков цвет, кусая губы. На мгновение мне кажется, что он догадывается, что я специально пошла его искать. Без цели... Просто Наумова долго не было у нашего костра, и меня начала одолевать хандра по этому поводу.

– Нет. Я закуски сделать, – бормочу, наискосок пяясь к

трём старым общим холодильникам, поставленным в ряд в углу навеса, – Не помешаю?

– А, конечно нет, – рассеянно улыбнувшись, Глеб Янович тут же отворачивается от меня и продолжает прерванный разговор.

Достаю продукты, каждой клеточкой ловя звук его кружащих шагов за моей спиной. Боковым зрением жадно впитываю образ. Нахмуренный высокий лоб, светлая, выгоревшая почти до белизны на солнце челка, твердый подбородок с пробивающейся короткой вечерней щетиной,двигающийся при разговоре кадык, крепкие загорелые предплечья, видные из закатанных по локоть рукавов летней рубашки, тонкие чувственные мужские губы...

Мы тут совершенно одни, оглушенные цикадами и отдаленным шумом прибоя. Ох...Даже руки дрожат.

Надеюсь, он не смотрит, как я неуклюже нарезаю сыр сейчас. Решит ещё, что это от выпитого домашнего вина и отправит спать как маленькую. Вот это точно будет неловко! Тем более перед ним!

От одной мысли так опозориться перед своим идеалом моё лицо вспыхивает ещё сильней. Хорошо, что сейчас уже ночь, и, кроме одинокой лампочки Ильича, тоскливо свисающей посреди навеса, ничто нас не освещает. Да и болезненный румянец вполне можно списать на лёгкое алкогольное опьянение, передоз свежим морским воздухом и танцы у большого костра под гитару. А не на то, что я уже год как

безумно влюблена в Глеба Яновича Наумова, нашего историка.

Сегодня в лагере праздник – отмечаем начало заезда на летнюю практику в Крым, цель которой – помощь в археологических раскопках. Группа набиралась по желанию, так что состав её достаточно разношерстный, и далеко не всех ребят с нашего потока я здесь знаю.

Старшими к нам, только закончившим первый курс, и во все представлены четверокурсники с кафедры Глеба Яновича – он тут старший научный руководитель и по совместительству моя главная причина вызваться провести следующие три недели под палящим солнцем, в душном вагончике на четыре человека, куда расселяют тех, кто не решился все это время прожить в палатке, и конечно в обнимку с лопатой и пылевой кисточкой.

Вечеринка на пляже длится уже как три часа. Несколько особо несдержанных успели принудительно отправить спать, остальные без оглядки веселятся.

Я уже достаточно пьяна – я это чувствую по тому, как неровно ступаю по песку, как тянет плясать и обниматься с подружками, каким громким получается смех, и какие слишком смелые мысли лезут в голову. Пьяна, но отлично могу себя контролировать.

Кажется...

Вот только эти чертовы руки дрожат.

Но это от того, что Глеб так близко, и я улавливаю его про-

хладный, едва ощутимый запах. Божечки... Как он хорош! Ну почему он не мой?! Я так его хочу...!!!

– Да, Макс, согласен, присылай – посмотрю, – тем временем говорит Глеб своему невидимому собеседнику в трубку и останавливается около меня.

Невольно отмечаю, что говорит он с мужчиной, и в груди настойчиво теплеет, отдаваясь беспокойным эхом вниз живота. Насколько я знаю, Наумов одинок, но мне сложно поверить, что такой умный и красивый мужчина может быть абсолютно бесхозным.

Как любит говорить моя мама – по-настоящему хороших мужиков разбирают щенками, а Глебу Яновичу уже тридцать два. Но сейчас он созванивается не с женщиной, кольца на его пальце нет, детей и прошлых браков вроде бы тоже, и меня это эгоистично радует, хоть и понимаю, что все равно он не будет моим.

Мне всего восемнадцать, я его студентка, и он весь год смотрел на меня, как на радующую успехами по его предмету младшую сестру...!

Ненавижу этот его понимающий снисходительный взгляд. Ох, кто бы знал, как ненавижу!

Тем временем Наумов опирается задницей, обтянутой светлыми брюками о край столешницы и ворует помидорку у меня прямо из-под ножа.

– Можно? – криво расслабленно улыбается, пряча телефон в карман.

Резко вздрагиваю от того, что он внезапно так близко, и чуть не отрезаю себе пол пальца.

– О, чёрт! – сосу указательный, виновато взглянув на Наумова и чувствуя, как растекается железный привкус на языке.

– Алис, я напугал? Извини! Дай посмотреть, – дергает Глеб к себе мою руку.

Хмурится, разглядывая набухающую багровую каплю на первой фаланге.

– Надо пластырь раздобыть, – переводит на меня озабоченный взгляд.

– Глеб Янович, не надо, всё хорошо, – лепечу я в ответ, слишком остро ощущая его прохладную крепкую ладонь, обхватившую моё запястье.

Да зачем мне пластырь, если я так млею сейчас, что пульс давно сорвался в нитевидный, и кровь скоро вообще перестанет поступать в слабеющие конечности.

Если вы не мечтали о чьём-то прикосновении год, то даже не пытайтесь меня понять!

Наши лица вдруг так близко, что я дышу его дыханием. Глаза сами собой широко распахиваются, жадно вбирая картинку, приоткрывается рот. Мне это всё чудится, наверно, но у Глеба Яновича расширяются зрачки, топя светлую радужку, пока он путешествует внимательным взглядом по моему запрокинутому к нему лицу. Улавливаю горьковатый привкус алкоголя в его дыхании, то, как странно туманятся гла-

за, когда он подается ближе, чуть хмурясь.

– Прости, Алиса, что напугал, – глухо повторяет будто сам себе.

– Не напугали, – бормочу.

Капелька крови бежит по пальцу. Наумов всё так же держит мою руку около своего лица, и... Вдруг наклоняется и быстро слизывает её.

От шока из меня вылетает сдавленный хрип.

– Бл... – тихо рычит Глеб себе под нос, тут же резко отбрасывая мою руку в сторону, будто это ядовитая змея, и делая два широких шага назад.

Смотрю на него во все глаза, глотая воздух ртом словно рыба, пока он смущенно взъерошивает короткий светлый ежик на затылке, наблюдая за мной исподлобья, и разводит руками.

– Алис, это... – хмыкает, качая головой, – Ты не думай ничего, я...

– Глеб Янович, я вас люблю! – выпаливаю на одном выдохе, не желая слушать его совершенно ненужные мне оправдания.

Глава 2. Алиса

Признание срывается с губ так легко, а вот оглушающую тишину после него пережить практически невозможно.

У Глеба Яновича натурально отвисает обожаемая мной челюсть, а прекрасные голубые глаза, вылезая из орбит, очень рискуют окраситься лопнувшими капиллярами.

Меня накрывает паникой и безбашенной решимостью одновременно.

Уже призналась – нечего терять!

Вырываю своё запястье из ослабевших пальцев Наумова и с прыжка кидаюсь ему на шею, крепко обняв и прижавшись губами к открытому рту. Сердце вылетает куда-то в горло. Жарко, нестерпимо жарко трясет. Я так оглушена собственными эмоциями, что почти не ощущаю вкуса его прохладных влажных губ, и, лишь самовольно добравшись до преподавательского языка, пропитываюсь нотками мужской слюны, горьковатой и немного кислой от хмеля. Вспотевшими ладонями глажу его шею, затылок, вжимаюсь всем телом в его, будто пытаюсь стать с Наумовым сиамскими близнецами. Вдавливаюсь в твердый мужской торс грудью, животом, бедрами...

И внутри будто мощный, ослепляющий фейерверк взрывается, когда ощущаю, как мне ниже пупка упирается вполне ощутимая, горячая даже сквозь слои ткани твёрдость.

О боже...! Это всё правда, да? Я ему так нравлюсь?!

Рвано стону, сильнее приклеиваясь к горьковатым мужским губам.

Колени подгибаются и совсем не держат...

Что оказывается совершенно не вовремя, потому как в следующую секунду я чуть не валяюсь на пол на своих ослабевших ногах, когда Глеб Янович вдруг с силой меня отталкивает.

– Лютик, вы в своём уме? – выпаливает хрипло Наумов, отпрыгивая от меня на добрый метр и подчеркнуто называя по фамилии.

– Я...я...– не могу больше ничего сказать, так как подбородок начинает предательски дрожать, а на глазах набухают слёзы, когда вижу, как Глеб Янович старательно вытирает рот после моего поцелуя.

Это конечно странно смотрится в сочетании с его гордо натянутой ширинкой, но сейчас мне сложно анализировать, да и из-за слёзной пелены всё плывёт. Чувствую только его тяжёлый взгляд исподлобья на себе, от которого вдоль позвоночника выступает холодный липкий пот.

Если бы была возможность провалиться сквозь землю – я бы сейчас с удовольствием воспользовалась.

– Простите...я...– хриплю, стораю со стыда, – Но...

– Ничего страшного, но это не должно повториться, да? – уже спокойней говорит Глеб Янович, снова делая ко мне шаг.

– Но я правду сказала. Я вас люблю. Уже давно, – лепе-

чу немеющими губами, – А за то, что поцеловала, простите. Мне показалось, вы тоже...

– Алиса, тебе показалось, – повторяет Наумов за мной вкрадчиво, снисходительно улыбнувшись одним уголком губ, – Ты хорошая девочка, но ты моя студентка, а я твой преподаватель. Только так. Ты понимаешь? – протягивает руку и ласково убирает прядку волос мне за ухо.

И в этом жесте столько отеческого и одновременно чего-то высокомерного, что меня подрывает.

Хорошая девочка только, да?!

– Понимаю, что у вас стоит, – смотрю Глебу прямо в глаза.

Улыбка застывает на его губах, зрачки расширяются, пальцы так и висают в воздухе, легко касаясь моих волос. И будто постоянный ток течет от него ко мне и обратно сквозь это невесомое касание. Вокруг так плотнеет, наэлектризовываясь воздух, что почти невозможно его вдохнуть.

– Просто ты очень... очень красивая девочка, Алиса. Я думаю, ты это и без меня прекрасно знаешь, – медленно и тихо произносит Глеб, не разрывая наш зрительный контакт.

– Я хочу быть вашей девочкой, – беззвучно отвечаю, так как вслух такое выдать духу не хватает.

Но он всё равно понимает. Опускает взгляд на мои губы и будто подвисает, хмурясь.

– Ты ещё совсем ребенок, – говорит твердо, но я всё равно улавливаю нотку сожаления, от которой внутри всё лихорадочно дрожит.

Кладу руку ему на грудь, не сбрасывает. Ладонь ошпаривает сквозь ткань рубашки, в самый центр быстро и сильно стучит его сердце. Почти так же быстро, как у меня!

– Я вам нравлюсь, – шепчу с торжеством, поднимая на Наумова глаза.

– Ничего не будет, Алис, – качает головой.

– Будет, – улыбаюсь сквозь слёзы, – Я вас добьюсь.

Глеб как-то странно смотрит долгим взглядом. И резко отступает.

– Больше не пей, Лютик, а то с практики выгоню и неуд влеплю, – бросает через плечо своим обычным насмешливым тоном, оставляя меня на летней открытой кухне одну.

Провожая его быстро исчезающую во мраке южной ночи фигуру мутным взглядом. Рвано громко всхлипываю, уже не сдерживаясь. Зажимаю рот рукой.

Боже, меня разрывает от противоречивых, таких сильный эмоций!

Я ему нравлюсь! Я это точно почувствовала! Как и то, что он уверен, что между нами ничего быть не может...

Но ведь чувства важнее, да?!

Я ему нравлюсь... Это всё меняет! Ну и что, что он старше?! Подумаешь, четырнадцать лет. Когда мне будет тридцать, ему будет сорок четыре – да это уже почти одинаковые люди!

Я смогу ему доказать...!

Кружу по кухне, то рвано всхлипывая, то тихо смеясь в

попытке успокоиться. Не охота в таком виде появляться перед ребятами у костра.

Так, надеюсь, тушь не потекла? Подхожу к навесному ручкомойнику с зеркалом в углу. Сюда свет одинокой лампы Ильича не достаёт, и приходится врубить фонарь на телефоне, чтобы получше себя рассмотреть.

Ужас. Да я похожа на запившего мима.

Недовольно фыркнув, включаю воду и аккуратно промокаю черные подтеки под глазами.

– Да, ладно, Лютик, не старайся, итак красивая, – вдруг раздаётся насмешливый низкий голос из темноты.

– А! – коротко визжу от испуга, чувствуя, что только что пережила микроинфаркт.

– Здесь я с Глебом согласен, – продолжает мужской бархатный голос, и из окутанных тенью зарослей дикого винограда, служащих стенами летней кухне, словно улыбка чеширского кота, показывается криво ухмыляющееся лицо одного придурка с четвертого курса, с которым мы успели переругаться ещё в поезде по дороге сюда.

– А вот то, что на хрен тебя послал – тут сочувствую. Зря, мог бы и трахнуть, раз дама так просит, – продолжает ехидным тоном как-его-там-Артём-кажется, и материализуется весь, выйдя из тени и подперев плечом деревянный столб.

Вот это кринж...

Замираю перед парнем как кролик перед удавом, лихорадочно соображая, что именно он мог слышать, и, даже если

слышал и видел всё, то чем мне это грозит.

Ну...я могу ведь всё отрицать, да? Подумаешь, сплетню пустит, плевать... Тем более Глеба Яновича все студенты любят и уважают, и не станут долго о нём трепаться.

От этой спасительной мысли хотя бы получается сделать первый вдох и, почувствовав хоть какую-то уверенность, построить надменное и невозмутимое лицо.

– Что ты несешь? Вообще... Если мучают галлюцинации, обратись к врачу, эм... как там тебя? Не помню... – кружу рукой в воздухе.

– Артём, – с готовностью подсказывает, улыбаясь максимально широко, чем ещё больше смахивает на кота из «Алисы в Стране чудес».

– Да неважно, мне плевать, – отсвечиваю зеркальной лучезарной ухмылкой.

– Зря, лучше запомни, – урчит, при этом облизывая меня с ног до головы таким нагло – похабным взглядом с нотками совершенно непонятого мне превосходства, что хочется перейти к рукоприкладству.

Ничего на это не отвечаю, складывая руки на груди. Весь мой вид – приглашение валить отсюда. Только кто-то, похоже, не очень понятливый.

Молчим, сверля друг друга горящими глазами. Пауза затягивается, становясь всё более напряженной и смутно пугающей для меня. Челюсть уже сводит, но я продолжаю улыбаться, не моргая, в ожидании, когда этот двухметровый

хмырь свалит наконец, догадавшись, что общаться я не настроена.

Наконец парень оживает и, подмигнув мне, достает из кармана плавательных шорт телефон. Разблокировав его, тычет дисплеем мне в лицо, но возмутиться я не успеваю – через секунду на горящем экране начинает крутиться какое-то видео, а на всю кухню раздаётся мой возбужденный, мерзко-молящий голос:

Но я правду сказала. Я вас люблю. Уже давно...

Глава 3. Алиса

Меня будто ошпаривает раскаленной смолой, не давая пошевелиться. Секунды вязнут, время растягивается нагретой резиной, пока я судорожно пытаюсь осознать всю глубину проблемы.

И, похоже, дна там нет вообще. Это провал...

Боже, ну почему из почти сотни студентов, приехавших на практику, здесь на кухне оказался именно этот?

Несколько мгновений зачарованно смотрю на светящийся экран телефона, где видео со мной и Наумовом крутится на повторе, лишая остатков самообладания, а затем медленно поднимаю взгляд на Артёма.

В последней надежде пытаюсь разглядеть зачатки совести в его почти черных в полутьме глазах. Но там плещется лишь шальной азарт и что-то ещё, жгучее и нервирующее, что я пока даже боюсь охарактеризовать.

Впервые внимательно рассматриваю своего новоиспеченного врага.

В поезде было как-то не до того – они там всей компанией являли собой сборище отборных придурков. Сейчас же мы один на один, и я ощущаю это очень остро.

Объективно этот Артём красивый... Полные выразительные губы, тяжелая нижняя челюсть, которой хоть орехи колоть, подбородок с ямочкой, прямой нос, ровные брови, ко-

роткая стрижка почти под ежик, бычья шея, широкие плечи, высокий, крепкий...

С такой выразительной маскулинной внешностью, как у этого Артёма, либо трусы в журналах рекламировать, либо брести в какой-нибудь спецназ, не заморачиваясь с получением диплома.

Не то, что Глеб Янович. Вот Наумов совсем не такой. По нему сразу видно – образованный, утонченный...

А этот... Даже у моего старшего братца – курсанта вид более одухотворенный, чем у этого... пролетария. А Лёвка тоже тот ещё дуболом.

Вспомнив брата, немного прихожу в чувства и расплываюсь в чарующей улыбке, тут же ловя на себе слегка изумленный взгляд противника.

Всё-таки благодаря брату у меня большой опыт потасовок с более высокими и сильными мальчиками. Тут главное – внезапность... Бей и беги, иначе скрутят и помнут.

– Хм, ну ты нас записал, и что дальше? – с ходу меняю тон на чувственно-томный.

Как бы невзначай облизываю губы и делаю шаг, приближаясь к Артёму вплотную.

Так близко, что открытые участки кожи начинает покалывать от чужого тепла, а нос щекочет мужской терпкий запах, смешанный с какой-то морской туалетной водой.

У Артёма мгновенно брови взлетают к линии роста волос. Но лишь на секунду, а потом он вновь расплывается в кривой

улыбке, прикрывая глаза потяжелевшими веками.

– Есть что предложить? – копирует мою игривую интонацию.

– Предлагаю быть джентльменом... – невинно хлопаю ресницами и прикусываю нижнюю губу, смотря на него чистым-чистым взглядом. Кот из Шрека разревелся бы от такого мастерского косплея.

– Какое скучное старое слово, – хмыкает на это Артём, стекая взглядом на мои губы, а потом сразу на грудь.

Там его глаза и остаются. Так демонстративно, что у меня соски под тяжестью начинает тянуть. Будто не посмотрел, а пару кирпичей положил.

– Это четверка, да? – снова поднимает глаза на уровень моего лица.

– Охренел?! – тут я уже не выдерживаю.

– Да мы с ребятами просто поспорили, – неопределенно пожимает плечами, снова приваливаясь к столбу.

– На что поспорили? – интересуюсь на автомате.

Вместо ответа Артём снова пялится на мои губы, которые будто печёт от его внимания. Кошусь на телефон, который он, кажется, вполне расслабленно держит в руке.

И я решаюсь. Бдительность его немного усыпила. Пора.

Резко подаюсь вперёд и выхватываю у него из ладони телефон. Артём настолько не ожидает этого, что легко отпускает гаджет, и я в ту же секунду разворачиваюсь на пятках и несусь к своему домику. Адреналин шкалит, закладывает

уши, с ног слетают вьетнамки. Возмущенный окрик " Эй!" ударяется мне в затылок потоком горячего воздуха, рассыпается дрожью по телу. Мне надо всего каких-то тридцать метров пробежать! В груди клокочет нервный, победный смех. Я уже вижу свою дверь, ещё чуть-чуть!

Но в следующий миг мне прилетает ощутимый толчок в спину, и я на всей скорости впечатываюсь грудью в стену, обшитую вагонкой, сзади на меня наваливается просто какой-то раскаленный бизон, а телефон Артёма выпадает из моих ослабевших пальцев и со звонким хрустом падает на крупную щебенку.

Глава 4. Алиса

– Твою ма-а-ать...!!! – ошарашенно тянет Артём.

Ещё с секунду так и стоит, впечатывая меня в стену своей немаленькой горячей тушей и не давая даже вздохнуть, а потом резко кидается к телефону.

Жадно хватаю воздух, проверяя на месте ли ребра, и уж было пытаюсь скрыться в домике, не желая смотреть, как Артём ревёт над своим напрочь разбитым гаджетом, но меня стопорят сначала грозный окрик "стоять!", а затем и мужская нахальная лапа, обхватившая талию.

Второй раз за минуту с размаху впечатываюсь в вагонку, только теперь спиной. Позвоночник саднит от удара, но я не успеваю это прочувствовать, так как в грудь уже впечатывается торс этого двухметрового придурка, да еще с такой силой, будто он мечтает оставить меня на стене в виде прилипшей бесформенной кляксы.

– Сучка, – сбитое жаркое дыхание касается моего лба.

Над макушкой в вагонку упирается мужская рука.

Глаз не поднимаю – упираюсь взглядом в дернувшийся на слове "сучка" кадык Артёма. Чувствую, как зло меня сверлит, разглядывая с высоты своего роста.

– Ты сам виноват, – нервно выдыхаю и просовываю ладони между нашими слипшимися телами в попытке оттолкнуть, – Пусти!

– Этому телефону всего неделя! – рычит глухо мне в макушку, будто не слыша и не замечая моих попыток высвободиться.

– Вот и снимал бы на него что-нибудь про себя! – пишу, распаясь, потому что потихоньку меня начинает охватывать паника.

Он слишком сильный и большой. И слишком близко!

Я зажата между ним и стеной так, что, кажется, подожду ноги и останусь висеть. Вдохнуть нормально не получается. Бешеные удары сердца смешиваются с его пульсом, и я уже не понимаю, чей мотор так дико стучит.

От его близости мне душно, словно в бане, и, кажется, что...

Нет, мне не кажется...

Черт, за этот вечер это уже второй член, пытающийся протаранить мою одежду на животе!

И, если от подобной реакции на меня Наумова я была в диком восторге, то сейчас в голове крутятся все выпуски "Дежурной части" одновременно!

– Знаешь, Цветочек, за айфоны принято сосать, – поддевает Артём пальцем мой подбородок.

Встречаемся взглядами, и его настолько рассерженный и одновременно похабный, что мне становится смешно. Это истерика, наверно...

– Я рада, что ты знаешь, как заработать на ещё один, – сдавленно хихикаю.

И тут же жмурюсь, испугавшись собственной дерзости. Боже, что я несу, он меня прибьёт!

Но, вместо ругани, с удивлением слышу, как после мучительной паузы, этот громила начинает ржать. Причем так тихо и бархатно, будто кот урчит, когда ему пузо чешут. Вся грудная клетка Артёма заходится вибрацией, передающейся мне щекочущей дрожью.

Медленно открываю глаза и непонимающе смотрю на него.

– Ты отбитая, да? Я понял, – улыбается в ответ нахально, убирая прядку волос мне за ухо.

Отдергиваю голову, но он только и вовсе перехватывает мой затылок, не давая повернуться.

– Впрочем, так даже лучше, – тёмные глаза путешествуют по моему лицу и тормозят на губах, – Ну что, Алиса, как будем проблему решать? Подстава в поезде, запись, айфон, моральное оскорбление...Итак четыре пункта.

– Какое ещё оскорбление? – выгибаю бровь, страдая от слишком интимного поглаживания моей шеи.

Про член, по ощущениям уже просверливший мне второй пупок, я вообще молчу. Почти привыкла...

– Хуесосом меня назвала, – вкрадчиво напоминает.

– Записи больше нет, а айфон я тебе куплю, замяли? – нервно облизываю губы, думая, что глаза ведь у Артёма не совсем карие, а золотистые какие-то, ореховые.

В тусклом свете одинокой лампы сложно разглядеть...

– Запись есть, я ее себе на почту сразу перекинул, будто чувствовал, – сообщает Артём, и его рука от затылка переходит к моей ключице.

– Хватит меня лапать! – тут уже возмущаюсь.

Фыркает, сверкнув глазами, убирает ладонь и демонстративно упирается обеими руками в стену у меня над головой. И это кажется чем-то ещё более интимным, потому что все его тело вжимается в моё, а концентрированный мужской запах становится ощутимей.

– Врёшь, что перекинул, – бормочу.

– Пошли ко мне в палатку – покажу, – подмигивает.

– Пф-ф-ф, – вырывается из меня, но продолжать свою мысль вслух про то, что "а больше ничего не покажешь?", как-то не хочется.

Прежде всего потому, что тактильная демонстрация вжатой в мой живот раскаленной кочерги и без того напрягает.

– Хорошо, айфон и часы, и заминаем, – снова пытаюсь его оттолкнуть, упираясь ладонями в твердую грудь. Бесполезно, будто упавший столб отодвигаю.

– Мажорка, да? – урчит, наклоняясь ближе, и каждый звук горячим влажным потоком воздуха оседает на моём лице.

Я бы уже давно заорала "помогите", но здесь нет совершенно никого, все на пляже у костра в нескольких сотнях метрах...

– Извращенец, да? – шепчу нервно, чувствуя, как внутри всё натягивается струной и начинает отчаянно звенеть.

– Ничего подобного, всё по классике или по обоядке, – бархатно уверяет меня Артём.

– Тогда по классике и обоядке бери деньги и забудь о моём существовании.

– Я денег у девочек не беру. Даже кидающих меня на телефон, Цветочек, – выразительно смотрит мне в глаза.

Невысказанный вопрос "А что берешь?", как и ответ на него, повисают в воздухе.

Молчим.

Но если я все эти секунды судорожно пытаюсь сообразить, как правильно задать ему вопрос, что он от меня тогда хочет, чтобы было понятно сразу, что интим бесполезно предлагать, то Артём похоже вообще никуда не торопится.

У него даже тело будто расслабляется, волны напряжения сменяются вальяжной силой, а взгляд золотисто-карих глаз вдумчиво путешествует по моему лицу и декольте с каким-то слишком плотоядным любопытством.

– Так и будем стоять? – не выдерживаю через полминуты.

– Приглашаешь к себе? Наконец! – тут же оживает, – Ты наверно не очень учишься, да, Алис? Медленно соображаешь что-то...

Расплывается в ленивой улыбке, довольный своей дебильной шуткой. За что и получает удар кулаком в будто железный левый бок.

– Эй, а если отвечу? – ржет, дернувшись.

Только ржет! А у меня костяшки ноют... Больно!

– Кроме денег мне предложить тебе нечего, – подношу ко рту свой кулачок и на автомате облизываю ушибленные места.

Зря... Тут же резко перестаю это делать, так как у Артёма, наблюдающего за мной, взгляд становится пугающе поплывший. По спине пробегают будоражащие мурашки.

– Так третий или четвертый? – глухо интересуется парень, дернув кадыком.

Хлопаю глазами, не сразу понимая, о чем он.

– Ну скажи, что четвертый, я пятерик выиграю, – устремляет взгляд мне в декольте.

– Четвёртый, – бормочу, заливаясь душистым румянцем. Это как-то унизительно...

– Да, я знал! – тихо счастливо орет, – Свои?

– Свои! Всё, ты отстаёшь? – раздражаюсь от его почти детской радости.

Облизывается. В карих глазах черти пляшут.

– Почти, Алиса... Теперь ты снимаешь лифон при мне, светишь природной четверочкой, потом фоткаем бирку, чтобы доказать, и я прощаю тебе телефон, хрен с ним, – расплывается в похабной улыбке.

– Совсем уже? – шокировано выдыхаю.

– Как хочешь, – тут же пожимает плечами и отступает на шаг, давая мне наконец нормально вдохнуть.

От него было так жарко, что я мгновенно зябко ежусь, почувствовав контраст от порыва прохладного ночного ветер-

ка.

Артём делает ещё шаг от меня в темноту.

– Ты куда? – не понимаю.

– Как куда? В палатку отправлять видео в общую группу, – весело сообщает.

– Нет, стой!

– Значит согласна? – чуть склоняет голову набок и засовывает руки в карманы синих плавательных шорт.

Я молчу, скобля нижнюю губу зубами. Чёрт...!

– Так, я показываю бирку, и мы...

– Ты показываешь сиськи, сфоткаем для парней бирку, и я забываю про телефон, – деловито уточняет, перебивая.

– А видео?

– А про видео я ещё не придумал, – чешет подбородок, облизывая меня взглядом с ног до головы с таким видом, будто я забыла одеться, – Ну, что пошли? – качает головой в сторону входной двери моего домика.

Сжимаю и разжимаю кулаки, не зная, что делать вообще. Чёрт...

– Считаю до трёх, – нараспев сообщает этот гад, делая ещё шаг от меня, – Раз... Два...

– Клянись, что никто не узнает! Просто я дала тебе лифчик сфоткать и всё!

– Без Бэ, – расплывается в хищной самодовольной улыбке.

Глава 5. Артём

Рыжая стерва с ржачной фамилией пару секунд пытливо смотрит мне в глаза, словно пытаюсь поковыряться в черепной коробке, и наконец, качнувшись, решительно направляется к домику.

Бля, я не думал, что это будет так легко!

Спасибо домашнему вину деда Коли, живущему тут неподалеку. Уже четвертый год не подводит. Вижу по тому, как нетвердо ступает эта королевишна, что она в говно, только сама этого не понимает. Конечно, пойло вкусное, сладенькое, пьётся легко...

Ничего, завтра наутро поймёт, и кому-то будет очень – очень стыдно, да, Цветочек?

Не удивлюсь, если умотает с практики первый же поездом обратно, хотя не хотелось бы. Забавная... И такая секси, ух!

Не могу ничего с собой поделатать, да даже и не пытаюсь. Жадно пялюсь на неё, раздевая глазами. Это легко, потому что на ней какой-то дурацкий белый сарафан в цветочек, который просвечивает в тусклом электрическом свете одинокой уличной лампы.

Короткий, с кружевными рукавчиками на плечах, из-за чего видно задорные розовые бретельки лифона. Они натянуты так, что сложно не думать, какое тяжелое богатство им приходится поддерживать.

Мой взгляд опять прилипает к её декольте. Эти мерцающие во тьме полушария с проступающими тонкими венками под будто прозрачной нежной кожей... Бл... Во рту опять слюны выделяется столько, что тянет сплюнуть.

Но не при дамах, да? Лучше подожду и, возможно, смогу их облизать. И не только их...

Рыженькая, там ты ведь тоже рыженькая?

– Только попробуй меня тронуть и сядешь на пятнадцать лет, понял? – воинственно рычит Лютик, перехватывая мой плотоядный взгляд.

Ха! Напугала... Сама попросишь!

Но я лишь прячу ухмылку, опустив голову, и вскидываю вверх руки типа сдаюсь.

Смеряет меня подозрительным взором, прежде чем повернуть дверную ручку и войти внутрь. Вслух не приглашает, лишь оставляет дверь приоткрытой, но мне и этого достаточно. Спешу за ней. От адреналина уши закладывает.

Даст?!

С виду прямо хозяйка Медной горы и такая же мегера, но то, как она к Янычу липла, как бы намекает, что эта кошечка очень даже может быть ласковой и послушной.

Она и правда на кошку похожа... Огненно-рыжая, с россыпью веснушек на надменно вздёрнутом курносом носу, миндалевидные глаза не голубые, а почти синие – в первый раз вижу такие, хотя возможно это просто линзы. В меру полные мягкие розовые губы, фигура как гитара, ноги длин-

ные, хоть сама невысокая, и эти её буфера...

Опять тону в вырезе цветастого сарафана, лишь мельком оглядев домик внутри.

Да и смотреть тут не на что – за четыре года летней практики я их изнутри все изучил. Обшитые крашеной доской стены, две двухъярусные кровати, умывальник, тумбочки, в углу общий шкаф. Унылое дерьмо. Лучше уж жить в палатке, как по мне, чем в этой казарме без кондиционера.

– Какая твоя? – интересуюсь у рыжей, кивая на кровати.

– Тебе зачем?

– Хочу устроиться поудобней для представления. Покажешь же класс, да, Лютик? – подначиваю её.

Она так забавно краснеет от злости, что невозможно остановиться, кончики ушей уже как свекла. И синие глаза натурально мечут пьяненькие молнии. Такую бы энергию, да в горизонтальную плоскость...

Не дождавшись ответа, где она спит, падаю на ближайший нижний ярус и устраиваюсь полулежа, упершись локтями в матрас и широко разведя колени, чтобы хоть немного скрыть стояк на неё, который уже слегка утомил.

У меня он ещё с поезда... Красивая...

Не была б такой козой, уже б бежал как дурак в город пять километров, чтобы притащить ей розочки и мороженое.

– Чувствуй себя как дома, – язвит рыжая, смотря на то, как я развалился на чьей-то кровати, а сама себя руками обнимает. Нервничает...

– Я уже, – улыбаюсь, впиваясь глазами в её лицо. Краснеет, ярко так, – Ну и где обещанное шоу?

– Ты такой козлина, – почти жалобно бурчит.

– Давай, как укольчик, раз и всё, – игнорирую просительные нотки в её голосе.

Пусть знает, кто тут альфа по расписанию.

Мне тоже немного пьяно и по-злому весело. В следующий раз не будешь сходу грубить незнакомцам, да, Цветочек?

Лютик... Что это за фамилия вообще? Дурацкая.

Хотя ей по-своему идёт. Она вот точно не нежная фиалка. А как раз этот живучий ядовитый цветок.

Алиса Лютик...

Её имя и фамилия оказываются последними связными словами у меня в голове, потому что дальше рыжая, глубоко и судорожно вздохнув, тянет рукавчики сарафана вниз, глядя мне прямо в глаза.

Ох-ре-неть...

У меня яйца поджимаются от её затуманенного взгляда под томно прикрытыми веками.

Что уж говорить о том, какое впечатление производит медленно показывающееся розовое кружевное нечто, наполовину скрывающее её грудь. Окружности такие мягкие и полные даже с виду, что у меня кончики пальцев начинает нещадно колоть, а давление стремительно пробивает отметку двести.

Кажется, над кромкой белья виднеется начало светло-ро-

зовых ореол, и я смотрю туда так, что глаза режет сухостью. Моргну когда-нибудь потом...

Я, конечно, видел женские сиськи, и даже вполне симпатичные, но это просто десятка по порно -шкале.

Ещё и рыжая делает всё так медленно-о-о...

Нервно облизывает губы, ведет худенькими плечами, демонстрируя тонкие ключицы, и молчит, сверля меня кажется таким же поплывшим от жара момента взглядом.

Или она просто пьяна и не совсем соображает, что творит. Или соображает и тоже хочет трахнуться.

Я за последний вариант, если что!

Когда Алиса заводит руки назад, чтобы отщёлкнуть застежку бюстгалтера, я почему-то вскидываю взгляд вверх и смотрю ей прямо в глаза.

Просто её порозовевшее от смущения и возбуждения лицо – это тоже вдруг секс, причем не меньший.

И мне хочется, чтобы она поняла, как я её хочу. И хочется, чтобы уступила, а покусаемся потом.

Или больше кусаться не будем... Я не очень соображаю сейчас...

Она четко улавливает мою эмоцию. В синих глазах с поволокой мелькает чувственное торжество.

Конечно, я наверно преданного пса напоминаю, только что язык не высунул, а хвост вот дрожит и натурально пытается биться в штанах.

Так что полностью осознавшая свою власть, девчонка уже

уверенней ведёт плечами, сбрасывая с них бретельки, и даёт лифчику медленно упасть ей в руки.

Отслеживаю его путь и застываю, упершись взглядом в Алискину роскошную, нежную грудь. Во рту пересыхает. Зачарованно пялюсь на то, как светло-розовые соски съеживаются и темнеют от моего внимания. Представляю, что будет, если дотронусь...И ниже...М-м-м...

Но нельзя. Обещал. Я же не насильник. Вот бы сама...

Дышать получается только шумно и часто, от фантазий ведёт. Поднимаю глаза к её лицу – она вся болезненно пунцовая, но в глазах мерцает превосходство. Молча взглядом спрашиваю разрешение сделать следующий шаг.

Просто намекни, Цветочек...

Залюблю и забуду, какая ты злока. В сторону Яныча потом даже голову не повернешь. Дава-а-ай...!!!

Нутром чую, что всё понимает и тоже плывет. Возбуждение мощными волнами от неё...Ну?!

– Всё, посмотрелся? – вдруг с холодной издёвкой фыркает Алиса и, резко разрывая наш зрительный контакт, прикрывает грудь руками, бросив мне в лицо бюстгальтер, – Фоткай бирку и вали, извращенец-Артём-или-как-там-тебя.

Глава 6. Артём

Бах. Ледяной душ, и я как оплеванный.

Секса не будет – я понял.

А жаль...

Удушающее возбуждение смывает на раз, оставляя лишь лютое желание подточить этой кошке когти.

– Что -то ты слишком дерзкая в разговоре с тем, у кого на тебя компромат, – холодно цежу, садясь ровнее на постели и упирая локти в колени.

– А он точно есть? – надменно выгибает рыжая бровь.

– Телефон свой дай, – протягиваю к ней руку.

– Ещё чего! – фыркает, – Нашёл дуру...

– Ну мой-то ты разбила, как мне к себе в почту зайти, умная? – язвлю в ответ.

Смотрит врагом. Синие глаза мерцают как валькирии из какого-нибудь фэнтези сериала. Такие яркие, что опять в голове мелькает вопрос – это линзы или свои? Если свои, то...

Бля, не думать об этом, а то опять встаёт. Достало уже!

– Выйди из профиля ВК, я зайду и тебе покажу, чтобы вопросов не было, – добавляю уже ровнее, – Заодно фотку лифона сделаю – скину себе.

Девчонка хмурится, раздумывая, сверлит меня недоверчивым взглядом и кусает пухлую нижнюю губу, которая белеет в месте, где её касаются зубки. Потом отпускает, и неж-

ная плоть снова наливается красным...

А если я укушу, м? Так же будет эротично?

Не сразу понимаю, что снова подвис на очередной детали Цветочной внешности. Пялюсь как дурак...

Приходится головой тряхнуть, чтобы прийти в себя. Уси-
лием воли отвлекаюсь от Алисиного рта и смотрю прямо в
синие сощуренные глаза.

– Ну? Дашь телефон? Или просто не хочешь, чтобы я ухо-
дил? Нравлюсь, да? Признай... – поддеваю её.

– Да пошёл ты! – тут же шипит и лезет за своим гаджетом.

Смахивает пальцем блокировку, шуршит там что-то,
склонившись к экрану, от чего несколько рыжих как пожар
прядей падает ей на лицо. Я в это время беру и рассматри-
ваю её бюстик. Чашки реально большие, тонкие, без поро-
лона, сплошное кружево, на бирке 75D, я не разбираюсь, но
видимо это и есть четвертый размер. Кручу в руках вещьцу,
а она словно кожу жжёт...

Поддавшись порыву, подношу к лицу, нюхаю... Ни хрена
себе... Это духи или от неё самой так?!

Поднимаю поплывший взгляд на рыжую, глубоко вдыхая
аромат, отдаленно напоминающий цветущую акацию у моей
бабушки в деревне... Помню, что она сладкая была, касаюсь
языком кружева, но конечно на вкус только ткань. Дебил я...

Ещё и рыжая смотрит на меня, изумленно приподняв бро-
ви.

– Ты больной? – интересуется совершенно искренне, – Ты

его жрать собрался что ли?!

Кхм... Подмигиваю ей, держа лицо, но чувствую, как скулы предательски розовеют. И правда тупо смотрелось наверно.

– Нет, я ужинаю только трусиками, снимешь для меня? – перевожу всё в шутку, комкая в кулаке её лифчик.

– Косточки сломаешь, – морщится Алиса.

– Тебе не угодишь, – закатываю глаза.

В ответ на её лице вдруг мелькает улыбка. Такая милая, открытая, с глубокими ямочками на нежных щеках, что я опять подвисяю.словно ангел крылом коснулся, блять...

Как вообще из-за мимолетной мимики может настолько изменится лицо?!

Ведьма какая-то, а не девка...

– Так, только посмей где-то лазить! – наставляет меня, прежде чем отдать свой телефон.

Опасливо садится на краешек кровати рядом.

– Только зайду к себе в ВК, – поднимаю руку, будто клянусь.

Ещё пару секунд сверлит взглядом и отдает айфон, весь покрытый стразиками.

На экране уже открыта вкладка входа в мессенджер. Выхожу пока оттуда. Пялюсь на заставку. Там она и какой-то белобрысый взрослый мужик расплываются в лучезарных улыбках в камеру.

Эй, Лютик, ты что? Чисто по старпёрам?!

Вслух это не произношу, но поднимаю на неё такой выразительный взгляд, что она возмущенно восклицает.

– Это отец мой! Ты куда полез вообще?! Отдай! – рывком тянется к телефону, но я успеваю перехватить её за талию прижать к себе.

Ошпаривает жаром.

Алиса, которую роняю на себя, упирается одной ладонью мне в грудь, а другой в пах, и случайно ведёт губами по моей скуле.

Ошарашенно отшатывается на пару сантиметров и замирает, распахивая округлившиеся синие глаза.

А я...

Я чувствую её дыхание, и понимаю, что лифчик пах ни хрена не духами. На улице это было не так заметно, а сейчас меня с головой обволакивает этим пьянящим майским запахом. И будто вкус цветочного мёда на языке. Инстинктивно глажу девичью напряженную спину, путешествуя мутным взглядом по Алисиному лицу, которое так близко... Хорошая...

Она теряется на секунду, тоже рассматривая меня, но почти сразу выкручивается из моих рук и снова пытается дотянуться до телефона, о котором я на мгновение забыл.

– Нет! Стой! – возвращаюсь в реальность, – Не лезу я никуда, просто давай сначала фотку сделаем, я себе отправлю. Давай... Расправь бирку и скажи "сиськи", – включаю камеру.

– Эй, мы так не договаривались! – пыхтит.

– А как я докажу, что точно твой? Не паникуй, Цветочек, скажем, что договорились поделить выигрыш пополам и ни у кого вопросов лишних не будет. Давай.

– Боже, что я делаю, – бормочет обреченно себе под нос, но исполняет всё, что я говорю.

Правда к лучезарной улыбке и бирке, поднесенной к лицу, прибавляется выразительно торчащий средний палец, но так смотрится даже эффектней. Правильно, Цветочек, никто с моего курса твоё бельё вживую не увидит. Яйца оторву.

– Красотка, – урчу одобрительно, возвращаясь на страницу входа в ВК.

Отправляю себе фото, мельком взглянув на галерею. Ничего такого, одни девчонки и виды. Это хорошо...

– Тебя как найти? – кошусь на неё, расплываясь в ехидной улыбке, – Видео отправлю. На память...

– Алиса Лютик, я там такая вроде бы одна, – поджимает губы, вытягивая шею и поверяя, не лезу ли я ещё куда-нибудь в её телефоне.

– Ок, лови, – заодно стучусь в друзья.

Профиль закрытый, а я посмотреть хочу...

Выхожу со своей страницы, отдаю девчонке телефон и падаю спиной на кровать, закинув руки себе за голову, пока Алиска заходит к себе и проверяет сообщения.

Нагло облизываю её взглядом, пока занята и ей не до меня. Соски так и просвечивают сквозь тонкую ткань сарафа-

на, юбка задралась по бедру. Её ноги... Тонкие щиколотки, красивые икры, острые коленки, белая кожа... Дергаю кадыком, упираясь взглядом в развилку между... и ширинка на шортах опять заметно натягивается.

Я капец как хочу эти ноги в стороны развести, аж печёт всё в паху.

Только не совсем понимаю, как сделать это из нынешней точки нашего милого общения. Цветочек- то похоже вообще не настроена.

Она вон, по Янычу, оказывается, сохнет.

Но козырь в этой игре все равно у меня...

Алиса тем временем смотрит скинутое видео, меняясь в лице. Бледнеет. Видимо верила до последнего, что блефую, а не-е-ет!

– Так, что ты хочешь? – интересуется глухо, переводя на меня потухший взгляд.

Молчу, её разглядывая. Сказать " тебя" слишком примитивно и не сработает, хоть это и очевидно. Причем нам обоим. А ещё она поникшая такая вдруг сразу... Когда улыбается или злится, или всё скопом – оно как-то комфортней...

Так. Что ж я хочу???

– Будешь моим волшебным Цветочком, цветиком – семицветиком. С тебя семь желаний, и видео я удалю, – выпаливаю первое, что приходит в голову.

– Каких ещё желаний? – хмурится непонимающе, – Я спать с тобой не буду! И не мечтай!

– Хорошо, ничего насильственного и невыполнимого, – кривлюсь, – Так, завтрак приготовить, спинку помять... Ну что, договор?

Смотрит на мою протянутую руку как на ядерную боеголовку.

– Ничего невыполнимого, – повторяет с нажимом.

Киваю. И Алиска, помедлив, с недовольным видом пожимает мою ладонь.

Глава 7. Алиса

– Девчонки, подъём! Зарядка, завтрак и в поле! – тонкий голос Эллы Эдуардовны, а между студентов просто Элочки, нашей преподавательницы истории религии, бесцеремонно врывается в сон и отчаянно дребезжит с моей раскалывающейся голове.

– Давайте -давайте! Все уже встали, только вы! На будущее заводим будильники! – бьёт Элочка в ладоши, поторапливая.

– Элла Эдуардовна, мы сейчас... – хрипло отзывается Зара с верхнего яруса нашей общей кровати.

Соня скрипит матрасом, поднимаясь с постели напротив, и шоркает босыми пятками по дощатому полу в сторону умывальника.

И только я отказываюсь вставать.

– М-м-м... – мычу страдальчески, накрывая похмельную голову подушкой и слыша, как Элочка хлопает дверью, оставляя нас с девчонками наедине.

Душно, во рту горько и сухо, между ушей кто-то стучит кувалдой и хочется умереть.

Я не желаю просыпаться в этот мир и тем более не собираюсь вспоминать вчерашний вечер!

Мне стыдно так, что тянет реветь навзрыд, жалея себя.

Может к чёрту эту практику? Уехать...???

– Давай, Алиска, подъём! – Зара пытается стащить с меня одеяло, в которое я вцепляюсь мертвой хваткой.

Хохочет. Смешно ей, а я тут умираю! Тоже мне подружка!

– Пить меньше надо, – изрекает глубокомысленно Садыкова, всё-таки срывая с меня одеяло.

По телу бежит озноб от прикосновения к коже утреннего зябкого воздуха. Сон ускользает.

– Да не пила я, – бурчу, садясь на кровати и протирая глаза, – Почти... Вино было странное какое-то.

– А мне понравилось, вкусное, – отзывается Соня, чистящая у раковины зубы, – Только голова сегодня немного болит.

– И у меня, – вздыхаю, сдаваясь и тоже бредя к умывальнику.

Мельком смотрю на себя в зеркало и сразу отвожу глаза. Топит обрывками вчерашнего вечера так, что мучительно неловко даже перед собственным отражением. Уныло чищу зубы, пытаюсь вытравить из головы мучащие образы, но не выходит...!

Глеб Янович, застывший истуканом от моего прикосновения, моё признание в любви, его замешательство, то, как выдаю, что у него на меня стоИт...!!!

– О-о-о, чёрт! – страдальчески тяну, даже не замечая, что вслух.

Хочется надавать себе пощечин. Как я в глаза ему смотреть теперь буду?! Лицо жарко вспыхивает.

– Ты что, Алис? Чего чертыхаешься? – косится на меня Соня.

Мотаю головой, отворачиваясь к раковине и орудуя щеткой во рту с ещё большим усердием. Потому что вспоминаю, что было дальше...

Как из темноты выплыл этот-как-его-Артём, как шантажировал меня, как...

Как я...

Как я показала ему сиськи!!!

В сердцах кидаю щетку в стаканчик и рьяно полощу рот, жмурясь. Если бы от неловкости можно было стореть, я бы уже полыхала.

Мужской лапающий взгляд, приклеенный к моей обнаженной груди, ощущается ожогом даже сейчас, и я непроизвольно провожу рукой по полушариям, пытаюсь стряхнуть это раздражающее фантомное прикосновение. Ничего не выходит.

А безжалостная память подкидывает ещё картинок.

Как Артём завалил меня на себя, когда я пыталась отобрать у него свой телефон. Как моя рука ему прямо в пах уперлась, такой горячий и напряженный... Как зачарованно он смотрел на мои губы, которые при этом нещадно пекло.

Как я пялилась на него в ответ, охваченная каким-то странным душным оцепенением.

Как, прежде чем уйти и уже встав с кровати, он вдруг вернулся и, обхватив рукой мой затылок, мазнул губами по мо-

им приоткрытым губам.

И как меня охватило острое злое разочарование, когда сразу отпустил, даже не пытаясь углубить поцелуй.

Этот Артём бесспорно полный придурок, наглый и беспринципный, и ни капли мне не нравится, но...

Но я словно и сейчас ощущаю прошедшую дрожью по телу волну возбуждения, наполнившую жарким зудом низ живота, когда он меня коротко чмокнул на прощание.

И к своему ужасу понимаю, что, будь он хоть чуть-чуть понастойчивей, я бы...я...

Боже, и от этого стыдно больше всего...!!!

Даже сильнее, чем от неуклюжего признания Глебу Яновичу!

Поверить не могу, что в моменте я была не против с ним... Кхм...

Шикарный бы у меня был первый раз, что уж! С первым попавшимся наглым встречным! Без отношений, без эмоций, без любви...!!!

Всё, больше никакого вина!

Сухой закон на всю практику – обещаю себе, торопливо надевая короткие джинсовые шорты, бордовый бюстик и простую белую маечку.

Собрав волосы в высокий хвост, подкрашиваю ресницы и наношу блестящий розовый блеск на губы, толкаясь с Зарой у единственного зеркала. Соня уже нетерпеливо топает ногой у входной двери, дожидаясь, когда мы наконец себе-

ремся. Послав своему отражению воздушный поцелуй, чтобы хоть как-то себя подбодрить, выбегаю с девчонками на улицу. Прятаться в домике двадцать дней всё равно не получится.

Ещё нет и девяти, а солнце уже ощутимо печёт макушку, покрывая кожу испариной. Пока идем к центральной площадке археологического лагеря, перевязываю хвост в гульку, потому что волосы неприятно липнут к шее.

Зарядка в самом разгаре, когда мы с девчонками присоединяемся. Её проводит какая-то сотрудница РАН- точно не из нашего университета. Вообще лагерь достаточно большой и представляет собой солянку из нескольких организаций. Институт археологии РАН здесь на постоянной основе – они главные и руководят научной работой, раздавая наделы и задания остальным.

Ещё есть кластер добровольцев, которые решают провести так свой отпуск в Крыму, предпочитая работу лопатой и возможность найти какой-нибудь монетку размеренному отдыху в санатории.

Ну и, конечно, небольшая турбаза, принадлежащая моему МГУ. Всем потоком мы в домиках- клетушках не помещаемся, поэтому помимо нашего жилого корпуса вокруг беспорядочно раскиданы палатки, вмещающие добрую половину прибывших студентов.

Я думаю, здесь есть ещё какие-то резиденты, но пока не разобралась.

Пока делаем наклоны, встав с девчонками в пятый последний ряд, озираюсь по сторонам, кивая знакомым и ощущая нарастающую с каждой секундой нервную слабость.

Внутренне готовлюсь к тому, что в любой момент может появиться Глеб Янович, и мне придется посмотреть ему в глаза.

О том, что где-то здесь бродит ещё и Артём, напротив упорно стараюсь не думать.

Плевать мне на него и его желания.

Ничего невыполнимого, так?

А всё, что я могу для него выполнить – это принести кофе или купить шоколадку. Или пиво. Или инструкцию по базовому этикету. Или слабительное. На выбор. Ах-аха...

Кстати, почему он не на зарядке?!

Осматриваю ряды разминающихся внимательней. Точно, ни Артёма, ни его дружков из поезда.

Ещё и прогуливает...

Пф-ф-ф, кто бы сомневался! Точно двоечник.

И как только четыре курса отучился? У нас не самый простой факультет.

Папочка оплачивает наверно ему безалаберное почесывание яиц уже как пятый год.

И почему я вообще продолжаю о нём думать?

Наверно потому, что думать о Глебе Яновиче и его реакции на моё признание страшно...

Наклоняюсь, упираясь ладонями в шербатый асфальт

площадки, под коленями и по бедрам приятно напряженно тянет. Прикрываю глаза, стараясь прогнуться ниже и увеличить нагрузку.

Под счёт ведущей резко выпрямляюсь, выдыхая, и тут же вспыхиваю алым, потому что рядом с женщиной, проводящей зарядку, внезапно оказывается Глеб Янович, а с ним... Артём и ещё два каких-то парня.

При виде Наумова и Артёма одновременно внутри болезненно колет вспрыснувшимся в кровь адреналином. Опускаю глаза, начиная с увлечением рассматривать свои кеды.

Но всё же успеваю заметить, как Наумов мажет по мне вороватым взглядом, поджимая губы, а Артём наоборот, не скрываясь, пялится в упор.

Глава 8. Алиса

– Извините, что прерываю, – громким поставленным голосом говорит Глеб Янович, обводя ряды занимающихся взглядом, – У меня объявление для моих студентов. Не возражаете, Вера Павловна?

– Да, конечно, – кивает ведущая, жестом предлагая ему продолжать.

– Спасибо, итак... – кашляет в кулак и снова смотрит на всех и ни на кого одновременно.

Я же напротив, пережив первое волнение, не моргая, прожигая Наумова требовательным взглядом.

Потому что хочу хоть раз встретиться с ним глазами и что-то для себя понять.

И потому, что моё лицо уже всё горит от назойливого внимания Артёма, а в его сторону я поворачиваться не собираюсь принципиально!

Он мне никто. Пусть поймёт это и перестанет наконец так меня разглядывать, да ещё при всех!

– Товарищи – студенты, – продолжает Глеб Янович, мастерски избегая моего взгляда. Почти так же мастерски, как я – взгляда парня, стоящего рядом с ним, – Мне необходимо отлучиться в город, так что до обеда за главного у нас Базов Артём, знакомьтесь, кто ещё не знаком, на нашем потоке он за старосту, – Наумов хлопает по плечу стоящего рядом

Артёма, который так и продолжает демонстративно при всех разбирать меня на атомы, – После завтрака организованно следуем за ним к Фомину Ивану Васильевичу на пятый участок, всем ясно?

– Да-а-а, – раздаётся нестройный гул со всех сторон.

– Это же тот, с поезда, – подавшись ко мне, шепчет Зара возбужденно, – Алис, он так смотрит на тебя... Тоже по ходу запомнил... Бр-р-р... Как бы не козлил!

– Да, – заторможено отзываюсь, раздумывая, за что этому болтусу такие почести от Наумова?!

Просто потому что старше нас, да?

И, забываясь, все-таки перевожу изумленный взгляд на Артёма. Внизу живота мучительно ойкает, когда напарываюсь на его наглые тёмные глаза. Зависаю на секунду, непроизвольно размыкая губы. На них фантомом вспыхивает его вкус. И резко отворачиваюсь, снова смотря на Наумова.

– Так, ещё вопрос по дежурству на кухне, – продолжает Глеб Янович бодро, – Я разбил вас по группам, график вывесил в столовой, можете ознакомиться. Первыми на трехдневное дежурство заступает пятый домик, так что в ближайшие дни я вас на раскопках не жду. После завтрака отправляетесь к Марии Павловне в пищеблок, девочки.

– Чёрт, не хочу я на кухню, – стонет Соня по левую руку от меня.

Ведь пятый домик – это наш.

А я наконец встречаюсь глазами с Глебом. Наумов чуть

склоняет голову набок и медленно кивает, будто подтверждает, что да, я правильно всё поняла. Он меня наказывает, отправляя подальше от себя.

Как маленького ребенка за проявленную дерзость в угол ставит.

Вздергиваю подбородок, поджимая губы и отвечая неммым вызовом. Да, я знаю, что залилась сейчас краской от резанувшей обиды и смущения, знаю, что он это замечает, как и это, как заблестели мои глаза. Но ты ещё будешь искать моего общества, Глеб. Сам. Я тебе обещаю.

Глава 9. Алиса

В столовую бреду с девчонками в потухшем настроении. Наумов, сделав объявление, сразу ушёл, раньше вечернего костра я теперь уже вряд ли его увижу, и эта мысль нагоняет тоску. Да и вообще, если он и дальше будет от меня бегать, то задача его заполучить сильно усложнится.

Ну зачем я только призналась, а?

Я аккуратно флиртовала с ним целый год, постепенно идя к своей цели, надо было и дальше в том же духе продолжать, а я...!!!

Мама всегда говорила, что мужчины – это охотники, и вся инициатива должна исходить только от них. И, даже если в реальности она исходит от тебя, будь добра обставь всё так, чтобы мужчина об этом не догадывался.

А я так глупо спугнула Наумова своими признаниями в лоб. Если бы была возможность, я бы всё переиграла сейчас.

Лишь томно улыбнулась бы, когда он слизнул кровь с моего пальца, прошептала бы "спасибо", глядя в глаза, напле-ла бы, какой он мужественный и заботливый, и, возможно, как бы случайно обняла, подставляя губы, но не дотягиваясь до него сама. Я помню его поплывший, затянутый вспыхнувшей похотью взгляд – всё бы сработало.

А что вместо этого сделала я?!

Заливаюсь злым румянцем уже в тысячный раз за эти сут-

ки, беру поднос и, продвигаясь вдоль раздачи, прошу положить мне омлет.

Столовая здесь организована не в помещении, а прямо на улице под широким навесом. Всё максимально просто – к навесу примыкает небольшое здание кухни, откуда постоянно выносят добавку и раскладывают по железным лоткам, огромный бойлер с кипятком рядом с выдачей, длинные деревянные столы с лавками.

– Кто тут из пятого домика? – интересуется высокая и странно тощая для поварихи дама, замыкающая раздачу и продающая за дополнительную плату пирожки.

– Мы, – вяло поднимает Зара руку и кивает на меня с Со-ней.

– Хорошо, завтракайте и ко мне.

– Хорошо...

Присаживаемся за самый дальний от раздачи незанятый стол. Хочется обсудить, как нам не повезло сразу напороться на дежурство, но чтобы повариха не слышала. Зара с Со-ней возмущаются между собой, с чего бы это Наумову начинать график с пятого домика, а не с первого или с палаток, а я молчу, ковыряясь в остывшем омлете и положив щеку на подставленную ладонь.

Признаваться в том, как вчера опозорилась, я пока морально не готова, хотя обычно от девчонок у меня нет секретов. Например, они в курсе, что по Наумову я схожу с ума.

– Может из-за тебя, Алис? Специально тебя подальше

сплавил, – неожиданно предполагает Зара.

Омлет застревает в горле. С трудом его проталкиваю, думая, как перевести тему, но тут меня выручает Соня, отвечая за меня.

– С чего бы это? Он наоборот всегда Алиску к себе поближе подтягивает. И на практике, и на квизах.

– Ну это на квизах, там другое, – отмахивается Зара, – А здесь мы живем все вместе, спим через стенку...Ещё и глаз много. Может, догадывается, что нравится, и сплетен лишних не хочет.

– Ой, да брось...Какие-то теории конспирологические уже, – морщит нос Соня.

Я молчу, с рассеянным видом отпивая кофе. И чуть не давлюсь им, когда на моё едва прикрытое лямкой майки плечо опускается чья-то горячая мужская лапа.

– Девчонки, привет, а мы к вам, – низкий голос Артёма за спиной глохнет в грохоте тут же садящихся вокруг нас его дружков.

– Эм, привет, – растерянно моргает Соня, отшатываясь от какого-то бугая, который вальяжно разваливается около неё.

– Больше некуда что ли? – возмущается Зара.

Я лишь сглатываю и напрягаюсь всем телом, когда Артём грохает поднос рядом с моим и, перекинув длинную волосатую ногу через скамью, чтобы оседлать её как лошадь, устраивается боком к столу и лицом к моему профилю. Двигается поближе, практически обхватывая меня ногами.

– Привет, рыжая, – урчит.

– Эй, Баз, уже себе её забил, да? – ржут пацаны вокруг, – Цветочных ароматов не боишься?

– Идиоты, валите отсюда, – возмущенно рыкает на них Зара.

А я невольно становлюсь бордовой. Это не стоящий внимания бред, но мне так обидно! Ничего с собой поделать не могу. Какие же придурки, а...

Всё началось в поезде. Мы только выехали из Москвы. И я стояла в очереди в туалет. Долго стояла, особо не обращая на это внимание, так как копалась в телефоне и переписывалась с парочкой друзей.

Когда из кабинки вышел Смирнов из параллельной группы и, краснея и заикаясь, попросил меня сразу не входить, я только отмахнулась. По-маленькому уже очень уж хотелось.

В общем, я пошла. Зря...

Там так воняло! У меня мгновенно заслезились глаза, подкатила тошнота, во рту будто по команде обосралась орда кошек, но бежать уже было некуда.

В полуобморочном состоянии быстро справив свои дела, я пулей выскочила из туалета и... врезалась в каменную грудь какого-то высоченного парня.

От неожиданности испугалась и натурально онемела, скидывая на него затуманенные от слёз глаза.

– Привет, – мужской заинтересованно- лапающий взгляд

быстро ощупал моё лицо и сразу нырнул в декольте, которое, благодаря разнице в росте, предоставляло незнакомцу шикарный обзор моих прелестей, – Красавица, – многозначительно добавил парень, снова посмотрел мне в глаза и расплылся в нахальной улыбке.

За его спиной заржали ещё два каких-то пацана.

– Тёмыч, ты отливать идешь? Не задерживай очередь! Хорош любезничать!

– Кир, я тебя пропускаю, – хмыкнул на это оказывается-Артём и, бесцеремонно обвив мою талию рукой, отодвинул от входа в уборную, – Как зовут? – это он уже мне бархатно пророкотал.

– Отпусти! Что ты меня схватил?! – наконец ожила я и попыталась его оттолкнуть.

– Ты сама мне в руки упала, теперь просто смирись, – сощурился на это парень, криво усмехнувшись, и только притянул ближе, впечатывая в себя, – Я – Артём.

– Я... – замаялась, не зная, как реагировать. Почему-то продолжать рьяно его отталкивать не хотелось.

– Бля, ну и навоняла эта девка! – выскочил в этот момент его дружок из туалета.

Меня словно кипятком обдало. Что?!

– Это не я! – запищала.

– Да? Ну ка, – и второй дружок Артёма уже полез в туалет нюхать, – А, твою мать, у меня сейчас глаза вытекут! Ты что ела?!

– Да не я это, придурки!

Но кто бы меня слушал, они уже чуть ли не по полу катались, упражняясь в остроумии и хохоча на весь вагон. Из купе на шум стали показываться другие студенты.

– Да что вы устроили? – нахмурился Артём, размыкая руки и перестав меня держать.

Сразу отступила от него на шаг. Внутри всё разрывало от досады и жуткой неловкости. Я в такой дебильной ситуации в жизни не была! Как из них вообще выпутываются?!

– Да ты сам понюхай, – предложил Артёму его друг.

Мой новоявленный кавалер повернулся к туалету, чуть подался к нему.

– Бля, – отшатнулся резко и, изумлённо вздернув брови, посмотрел на меня!

– Да не я это! Да пошли вы! Идиоты! – топнула в сердцах ногой и пулей выскочила из тамбура, расталкивая одноклассников, выползших на шум в коридор.

– А вы знаете же, какая у Алиски фамилия? Лютик, – слышала, как за моей спиной начала упражняться в остроумии Аня Куницына, – Вот тебе и цветочные ароматы.

Сучка!

Все взорвались хохотом, сквозь который прорывался смущенный голос Смирнова "ой, да что вы ребята, да ладно вам!", ну и ещё пары человек.

Неважно. Я всех запомнила.

Особенно Куницыну. Вот же...

– Пошла нах, Аня! Лучше зубы чисть почаще, а то у тебя изо рта и похуже несет! – крикнула Куницыной, прежде чем захлопнуть за собой дверь купе.

Оказавшись внутри с трудом перевела дух и... чуть не расплакалась от обиды и унижения.

– Алиска, ты чего? – удивленно взглянула на меня Зара, откладывая планшет и вытягивая из ушей капельки наушников.

– Да капец, – нервно засмеялась, – Представляете, я сейчас за Смирновым в туалет пошла, и...

*** Так щекотливо для меня началась наша война в поезде с Базовым и его компанией, продлившаяся все двое суток, за которые я слышала просто миллион шуток о своём цветочном благоухании от его дебилов- друзей. Клянусь, если они и тут начнут, то я...

Но Артём неожиданно негромко хлопает ладонью по столу, смотря на Ярика, кажется, исподлобья и поддерживает защищающую меня Зару.

– Так, заткнулись, дебильная тема. Хватит уже!

Парни перестают ржать как по команде, а Базов расплывается в своей кошаковской улыбке, протягивая руку и убирая тонкую прядку мне за ухо. Отшатываюсь, враждебно смотря на него, но Артёму плевать. Так и сверлит своими ореховыми глазами, полуприкрытыми будто потяжелевшими веками.

– Мы с миром пришли. Ну что, зарываем топор и будем дружить, а, девчонки? – он говорит это таким интимным го-

лосом, глядя мне в глаза, что складывается стойкое ощущение, что для него тут никого кроме меня больше нет.

Кошусь на Зару с Соней и по их лицам понимаю, что ощущение такое не у меня одной.

Глава 10. Алиса

– Пф, уверен, что знаешь значение слова "дружить", – с издёвкой выгибает Зара чёрную бровь.

Артём мажет по ней равнодушным взглядом и снова переводит на меня всё своё внимание, от которого волосы по холке встают дыбом.

Это всё так демонстративно, так...

Чувствую себя доисторической самкой за минуту до того, как её за волосы оттащат в пещеру.

– Может, и не знаем, а ты нас научи, Жасмин, – вклинивается в разговор один из трех друзей Базова, подсевших к нам, – я Кир, кстати, а это Мот и Ярик. Или ты нас ещё с поезда запомнила? – подмигивает брезгливо сморщившей нос Садыковой.

– Очень приятно, Кир, но я не Жасмин, я – Зара.

– Ну я и говорю, восточная принцесса, – улыбается Кир, ничуть не смутившись.

Парни расслабленно ржут, а Зара закатывает глаза, но по лицу вижу, что неожиданный комплимент ей зашёл. Тот, что Мот, что-то спрашивает у Сони. И беседа за столом как-то сразу, мгновенно завязывается – обрывочная, с подколками, но веселая.

Девчонки припоминают парням дебош в поезде, они – им, как мы их сдали, а потом ещё и подставили, но если в пути

все пылали злобой и практически ненавистью, то сейчас это вдруг лишь повод громко хохотать на всю столовую, притягивая к себе внимание остальных столиков. Ярик уже предлагает после ужина сбежать к морю вместе купаться, рассказывает, что знает, где взять катер и ватрушку к нему. Соня внезапно соглашается и чуть в ладоши не хлопает от вырисовывающейся перспективы, и только мы с Артёмом молчим.

Ощущение, что я с ним в стеклянной, невидимой для остальных коробке окольцовывает меня. Им там снаружи расслабленно и весело, и влажный ветерок с моря треплет волосы, а нам тут тесно и душно, и будто один кислород на двоих.

Артём незаметно ерзает по лавке, постепенно придвигаясь ко мне ещё ближе. Одно его колено под столом проезжается по моему, а другое упирается сзади мне в копчик. Левую руку Базов кладет на стол передо мной, а правую упирает в свою ногу за моей спиной – словно в полукольцо берёт всем своим телом.

И я чувствую, как периодически он невесомо ведёт пальцами по моей майке на талии, вдоль позвонков сверху-вниз, а потом поперек над кромкой пояса шорт.

Так легко, что можно делать вид, что не замечаешь. И я почему-то делаю этот вид, а не требую его отсесть или отодвигаться сама. Упрямо игнорирую невесомые как перышко, запретные касания.

Вот только на самом деле игнорировать их не получается,

и кожа на спине и на бедрах давно в мурашках, а между ног предательски влажно печёт.

Я чувствую себя даже не девушкой, а очень притягательным сексуальным объектом, и это пьянит почему-то. Я никогда не ощущала себя именно так.

Вы скажете, а как же гордость? Он должен видеть в тебе личность, Алиса, а не кусок розового парного мяса, который хочется съесть. Я тоже сейчас спрашиваю себя об этом, вот только гордость молчит, а тело в это время наливается сладкой тяжестью, словно тая. И в голове шумит – ни одной чёткой мысли не слышно.

Омлет давно забыт, да и как можно есть, когда твой профиль прожигают в упор. Дышать -то выходит с трудом и приходится себя контролировать.

Базов тоже к своему завтраку не прикасается.

Смотрю прямо перед собой – на Соню, болтающую с Яриком и Мотом, которые подсели к ней с двух сторон. Смотрю и не вижу – перед глазами всё плывёт, и только боковым зрением четко улавливаю устремленный на меня препарирующий взгляд Артёма.

– Ты не добавила меня в друзья, – Базов наклоняется к моему уху близко-близко и шепчет, почти касаясь мочки губами.

– Это твоё первое желание? – не поворачиваясь к нему, интересуюсь.

– Нет, просто так удобней переписываться, буду скиды-

вать тебе туда. Добавь.

– Ты мне можешь итак написать, сообщения открыты – беззвучно шепчу.

– Вредная ты, Алиска, – хмыкает и всё – таки касается губами уха.

Так же невесомо, как пальцами в это время спины.

Но меня всё равно прошивает электрическим разрядом от макушки до пяток от его прикосновений. И от того, что почему-то ему это позволяю и ничего не говорю. Только сажусь ровнее, словно в позвоночник вбили кол.

– Повернись и посмотри на меня, – щекотно нашептывает Артём мне в самое ухо как заправский змей-искуситель.

Мои губы дергаются в нервной улыбке. Он так близко устроился, что, если я повернусь, то просто впечатаяюсь губами в его лицо.

Ребята вокруг, конечно, упорно делают вид, что мы им неинтересны, но я знаю, что это не так.

– Значит, это – теперь первое желание? Повернуться? – глухим шепотом ехидничаю, упрямо смотря только перед собой.

– Так хочешь первое желание?

– Хочу, чтобы всё стёр, и я забыла о тебе, как о страшном сне.

– Не хочешь.

– Хочу.

– Ла-а-адно, – в его вибрирующем голосе прорезается раз-

дражение, бьющее мне по натянутым нервам, – Первое желание. Каждый вечер после отбоя ты идешь ко мне и делаешь массаж.

– Что? – резко разворачиваюсь к Артёму, одновременно отшатываясь, чтобы не коснуться, и громко охаю, забыв, что говорить нам желательно беззвучным шепотом, – Ага, мечтай!

За столом тут же стихает разговор, все с любопытством на нас пялятся. Я ожидаемо краснею. Артём сверкает веселыми чертями в ореховых глазах. Отодвигается от меня и, перекинув ногу через скамью, садится наконец нормально лицом к столу. Достает какой-то простенький телефон из кармана и утыкается в него, будто ничего и не произошло.

– Вы чего там? – недоуменно хмурится Соня.

– Ничего, забей, – вяло отмахиваюсь и беру в руки свой запищавший входящим сообщением гаджет.

Артём: У нас был договор – любое выполнимое желание. Не умеешь делать массаж?

Кошусь на Базова, сидящего рядом и беспечно ухмыляющегося своему телефону.

Алиса: И был договор – никакого интима.

Фыркает насмешливо, когда читает. Строчит ответ.

Артём: Не знаю, кто тебе до этого делал массаж и где именно наминал, а я про уставшие после работы лопатой спину и поясницу, рыжая извращенка.

Вспыхиваю гневным румянцем, когда читаю. Артём пово-

рачивается ко мне, сверля шальным весёлым взглядом. Отворачиваюсь. Пишу.

Алиса: Ладно, одно желание – один массаж. На неделю тебе хватит. И по времени ограничение десять минут.

Отправляю. Недовольно сводит брови на переносице и, перестав улыбаться, набирает ответ.

Артём: Десять минут – да. Но каждый день. Иначе считай, что договор ты провалила.

Алиса: Не жирно ли для одного желания?!

Базов медленно чешет лоб, прежде чем ответить. На меня не смотрит. Строчит.

Артём: Ладно, закрываем как три. По одному на каждую неделю. Сегодня в одиннадцать. Черная одноместная палатка за круглым камнем за кухней у нашего корпуса.

Отправляет и убирает телефон в карман, тут же вставая с лавки.

– Ладно, пойдёмте, нам перваков ещё на пятый участок вести и сторожить там, пока Яныч не вернётся. Девчонки, удачно отдежурить, – подмигивает мне, прежде чем отвернуться.

Провожая их четверку растерянным взглядом. Внутри всё нервно дребезжит. Пояснице до сих пор тепло от его руки.

– Алис, вы с Базовым переписывались сейчас что ли? – интересуется Зара таким елейным тоном, будто уже собирается букет на нашей свадьбе ловить.

– Нет, не с ним, – глухо бормочу, решая, что расскажу девочкам всё когда-нибудь потом. Попозже.

Глава 11. Артём

– Что, Баз, запал, да? – Кир ржёт, пихая меня локтем в бок, пока бредём к стайке ожидающих нас желторотов-перваков, – Так смотрел на Алиску, что я уж думал – сейчас болт при всех достанешь и наяривать начнешь.

– Да пошёл ты, – лениво отмахиваюсь от Мельника.

У меня слишком хорошее настроение, чтобы злиться на дебильные шутки Кирилла. Во-первых, они у него всегда такие, а во-вторых, он недалек от истины.

Что-то меня совсем повело от Цветочка.

Сидел сейчас рядом, и мозг реально в шорты стёк. Только и звенело в голове, что, была бы сейчас моей, спокойно бы её тискал при всех и не парился. Крепко обнял бы за сиськи и покусывал нежное краснеющее ушко, нашептывая, что я с ней вечером сделаю, пока она бы беспокойно ёрзала мне между ног своей круглой задницей.

Кстати, задница у неё – зачёт. Только не мешало бы всечь по ней пару раз за то, что напяливает на неё такие короткие шорты.

Это для Яныча что ли демонстрация товара лицом?

Маечка эта с грудью навывкат, будто с ребенка сняла, джинсовые трусы...

Доодевается, что я еще одно желание ей на хиджаб потрачу. Заодно на солнце не обгорит – кожа совсем белая, плечи

вон уже порозовели, я заметил.

Я вообще всю её обсмотрел...

И это похоже свои такие синие глаза – не линзы... И веснушки забавные на курносом носу. И пахнет цветочным мёдом так сильно, что невольно думаешь, как сочится между ног на вкус, если с ней поиграть...

Шумно выдыхаю, стараясь незаметно поправить шорты в районе паха и уложить поудобней привставший член. Терпи до вечера, дружище, там может и подберемся с тобой поближе к заветному горшочку с мёдом.

– ...Нет, если тебе класть на рыжую, то давай я её потанцую. Мне её фотка с лифоном в руках полночи снилась, сочная девочка, – жужжит весело Кир мне в левое ухо.

Непроизвольно свожу челюсти так, что коротко скрипят зубы, и замедляю шаг. Нет, я понимаю, что Мельник специально меня драконит – характер у него такой, но пошёл он на хрен и со своими шуточками, и со своим характером.

– Яйца оторву и танцуй, – говорю другу без намека на улыбку.

– Что это сразу яйца? – делает наивное лицо.

– Чтобы танцевать не мешали, – рычу.

Парни, идущие рядом, хохочут. Кир цокает языком.

– Всё-таки забил её, ладно, мы все всё поняли.

Я молчу на это. Поняли, и хорошо.

День тянется мучительно медленно. Обещанные двадцать

шесть градусов в тени стремительно перетекают в тридцать пять на солнце, и воздух раскаляется до вязкого марева, не сотрясаясь от дуновения даже лёгкого ветерка.

С плоского плато, на котором мы находимся, отлично видно расстилающееся внизу до самого горизонта бирюзовое море, но оно словно дразнящая недоступная картинка. Влажной солёной прохлады в воздухе никакой.

Я потный насквозь уже на второй час работы, да ещё и ровно покрытый бурой песочной пылью, так идеально липнущей к влажной одежде и коже.

Доверенные мне и парням перваки – совсем как слепые котята. Не дают нормально расслабиться и передохнуть. Всё надо объяснять, показывать, за всем следить. По опыту прошлых лет, а ездим мы сюда каждый год тоже с первого курса, я знаю, что уже дней через пять они будут вполне терпимо справляться сами, и у нас начнется настоящий отпуск на море, на который мы собственно и приехали.

Но как же я ненавижу эти первые дни.

Приняв фронт работ от Фомина Ивана Васильевича, старшего научрука, мы с пацанами разбросали зеленых бездарей по маленьким участкам и до самого обеда так от новичков ни разу и не отошли. Вроде бы и руководишь, но не выходит как-то совсем ничего не делать и не махать каждую минуту лопатой. Тем более, что треть студентов – девчонки. И хоть они и с кисточками и поставлены на самые физически лёгкие, но требующие кропотливой работы участки, но то и де-

ло им надо помочь и подкопать тут или там.

Да и как тут не помочь, когда в ответ все как одна призывно улыбаются, намекая, прозрачно намекая, что их интересует твоё имение работать не только лопатой.

Мы с Киrom ещё не первом курсе просекли, что эти раскопки – практически секстур в Тайланд, только он практически бесплатный, позволяет заработать очки на кафедре, да и на член между ног точно не напорешься.

И, если бы не рыжая, я бы уже через час знал, с кем проведу эту ночь.

Но пока я хочу только её.

Вот получу, закрою гештальт и там с другими желающими разберусь...

Несмотря на жару и копящуюся физическую усталость, настроение на участке веселое. Мот включил колонку и врубил звук на полную громкость, девчонки пританцовывают, виляя попами, пока обмахивают кисточками откопанную древнюю стену, парни, переговариваюсь, ржут. Кто-то то и дело находит осколок какого-нибудь кувшина или кусок проржавевшего металла, и каждый раз у всего лагеря это вызывает дикий восторг.

Мы же с моими парнями только весело переглядываемся, утирая набегающий пот со лба. Насмотрелись на такие сокровища за четыре года.

Лично меня радует только одно – скоро обед, и я знаю, чьи белые ручки нальют мне окрошку и навалят в тарелку

котлет с макаронами, а ночью они же будут скользить тонкими пальчиками по моей ноющей спине целых десять оговоренных минут.

Глава 12. Артём

Под раскаленным полуденным солнцем ведем с парнями наших подопечных в столовую как квочки только что вылупившихся цыплят.

Мот угорает – из колонки, пристегнутой к сползающим с бёдер шортам, льётся на всю ещё зелёную июньскую степь:

Кап-кап-кап – из ясных глаз Маруси Капают слёзы на копьё
Кап-кап-кап – из ясных глаз Маруси

Капают горькие, капают, кап-кап Капают прямо на копьё
Идет спиной вперёд, активно дирижируя. Перваки от души тянут, то и дело сбиваясь на смех.

Элечка, наш препод по истории религии, вышагивает с нами рядом впереди всех, ухватив Ярика за локоть, и, то и дело поправляя съезжающие на нос толстые очки, втирает ему что-то об увлекательном различии черепков горшков из Рас-Шамры и Газы, которые мы, похоже, нашли и уже сдали Фомину.

Мы с Киrom брёдем чуть поодаль от этой сладкой парочки, чтобы Элечка и нас слушать эту муть не заставила. Плаваясь на солнцепеке, лениво переговариваемся как сонные мухи.

От пота футболка липнет к телу второй кожей. Стаскиваю её через голову и наматываю на макушку подобно тюрбану. Сзади свистят девчонки. Оборачиваюсь и, подмигнув

им, играю грудными мышцами. Спасибо сборной универа по баскетболу – играть мне вполне есть чем. Одна девчонка тут же тушует, а вторая и не думает. Смотрит в упор, зазывно улыбаясь, и облизывает наглыми глазами мой голый торс.

– Как тебя? Аня? – кричу той, что посмелее, так как идут они от нас на приличном расстоянии.

Вспоминаю, что и в поезде её уже видел. Кажется, она из Алискиной группы.

– Куницына? – добавляю всплывшую в памяти фамилию.

– Да, – кричит в ответ, довольно сверкая глазами.

Хм, симпатичная...

– Я запомнил тебя, Аня, – делаю пальцами знак глаза в глаза под веселое хмыканье Кира.

– Я тебя тоже, Артём, – орёт в ответ, проезжаясь взглядом вверх-вниз по моему животу и выразительно задерживаясь на шортах.

Оу... Какие намеки. Ладно...

Молча даём с Киrom друг другу пять и идём дальше, слыша возбужденное женское хихиканье за нашими спинами. Лыбимся, не комментируя, итак всё понятно. Одной рыжей и её правильными подружками точно можно не ограничиться.

– Я кстати насчёт катера на вечер уже договорился, с ветерком прокатим, – сообщает Мельник, – Зара эта... Такая прям... Ничего...

Не успеваю ничего ответить, так как в этот момент на

тропинке, ведущей к базе, показывается идущий к нам навстречу Наумов. Сзади студенты взрываются нестройным приветствием. Яныч улыбается, махнув рукой, приближается к нам с пацанами. В белой рубашке с покатыми рукавами, светлых брюках, без единой капли пота на лице – он словно ходячая реклама сплит систем в такую жару.

Убираю грязной ладонью испарину со лба и сдергаю с головы футболку, что вытереть руки, прежде чем пожать его протянутую пятерню.

– Здорово, пацаны, как обстановка, – первым мне подает, потом Киру, подошедшему Моту, тут же вырубившему колонку, Ярику.

– Здравствуйте, Глеб Янович, – пищит Элечка где-то на заднем фоне.

Она у нас вообще очень стеснительная. Студенты её до сих пор со свету не сжили только из-за того, что она очень добрая и, не глядя, ставит всем «зачет». Да и как такую обидишь? Мелкая, худая, с косой до пояса, окулярами с палец толщиной, платьях в пол и понятиями из девятнадцатого века. Она – наша местная достопримечательность и заодно живая серая мышь из анекдотов.

– Здравствуйте, Элла Эдуардовна, – Яныч даже голову в её сторону не поворачивает, мне улыбается, – Базов, отчёт.

– Всё под контролем, – рапортую.

– Это хорошо, я насчет реагентов договорился, завтра привезут. Сегодня жарко сильно, давайте после обеда сиесту

организуем, там часика в три выйдем и до шести. Если кто захочет из лагеря в свободное время уйти – всех под отчет, как обычно, – Наумов по своей привычке бодро нарекает нам задачи, пока мы, теперь уже вместе идём в столовую. Что – то говорит и говорит.

Слушаю вполуха. Я всё это знаю.

Пока шагаем рядом, искоса поглядываю на Яныча, вдруг начав нас сравнивать. Раньше бы мне и в голову не пришла такая херня, но со вчерашнего вечера кое-что изменилось... И я сравниваю.

Сравниваю и ощущаю себя чернорабочим, бредущим рядом с хозяином. Я потный, грязный и полуголый, а он в дорогой идеально -белоснежной сорочке, с блестящими котлами на крепком запястье и уложенной челкой! Ещё и с легким пренебрежением по моему голому животу мажет.

– Артём, ты бы футболку в столовую надел, не пляж всё-таки.

– У меня одна, – ни с того, ни с сего огрызаюсь и тут же чувствую себя полным дебилом, когда Яныч переводит на меня недоуменный взгляд.

– В смысле чистая одна была, остальные постирал. Да ладно вам, Глеб Яныч, всем плевать, – тут же сбавляю обороты. Он хмыкает и машет на меня рукой.

Сжимаю челюсти, тоже отворачиваясь. Внутри плещется кисловатый осадок.

Вообще, Наумов – отличный мужик, и у нас прекрасные

отношения ещё с первого курса.

Я и диплом у него писать буду, тему мы давно выбрали. А на преддипломную практику он уже пропихнул меня к одним очень крутым китайцам, у которых числится внештатным консультантом. Если не облажаюсь, меня сразу после окончания универа возьмут на постоянку. Да что там...

Я даже на дачу к нему с пацанами ездил – помогал сносить старый сарай, а его мать кормила нас пирожками. Вкусные были... Да.

И тут я него рычу из-за какой-то рыжей стервы. Пф...

Да плевать мне, пусть и дальше по нему сохнет, поймать я её итак смогу.

Когда сворачиваем всей толпой под большой навес общей открытой столовой, взгляд выцепляет Алису сразу. Внутри словно стучащий мотор запускают, который дрожью по всему телу глухо тархтит.

Стоит на раздаче вместе с одной из своих подружек. Уставшая, недовольная и влажная от жары. Огненные волосы забраны в высокую кичку, несколько колечек прилипли сзади к гибкой белой шее. Вырез маечки со впечатляющим обзором на пышную грудь прикрыт серым передником. По шумной, суетной толпе вокруг глазами не водит, равнодушно шлепая в подставленные тарелки макароны, и слабо улыбается своей приятельнице, о чем-то с ней говоря.

Так как сиськи не видно, моё внимание перетекает на беззащитные ключицы и тонкие запястья. И на ямочки, то и де-

ло прорезающиеся на её розовых щеках и делающих их похожими на два маленьких сочных яблока.

Меня вдруг снова так ведёт, что, кажется, я чувствую её запах, нагретый солнцем. Сладковато-кислый аромат вязкого мёда и свежего женского пота, от которого рот наполняется слюной.

Я не знаю, почему она так действует на меня. Скорее всего, дело в нашей стычке и желании её переиграть. Надо почаще с девчонками спорить...

Кто же знал, что это так заводит...

Мну в руках грязную футболку, не отводя от девчонки глаз. Становимся в медленно продвигающуюся очередь. Наумов так и говорит что-то мне, идя первым. Плечусь за ним взяв в руки поднос и ни черта не слушая. Взгляд словно приклеился к девчачьему нежному профилю.

Мы уже близко, и я вижу все мелкие детали. Как Алиса опускает пушистые ресницы, прикрывая синие глаза, как рассеянно мучает зубками нижнюю губу, прикусывая. Как медленно поднимает голову, поворачивается и, встрепенувшись и мгновенно краснея, впивается в нас влюбленным, запахнутым взором.

Вернее, не «в нас», а в Наумова.

Меня для неё, совершенно определенно, сейчас не существует.

Глава 13. Артём

Передо мной с Глебом в очереди ещё три человека, и Алиска заливается краской всё сильнее с каждым нашим продвижением к ней.

Её лицо уже буквально горит, синие глаза лихорадочно мерцают, голубая венка заметно бьётся на белой шее, а нервная полуулыбка дрожит на розовых губах.

Девчонка то и дело косится на Яныча, суетливо поправляя волосы и дотрагиваясь до лица. Пытается скрыть жадный взгляд за трепещущими ресницами. Кажется, ещё чуть-чуть, и в обморок от волнения упадёт.

И это внезапно жутко бесит!

Хмурясь, непроизвольно сжимаю кулаки, пытаюсь подавить в себе желание от души встряхнуть эту потёкшую по чужому мужику лису и привести её в чувство. Во рту противно горчит.

Что она так поплыла, а?!

Наумов конечно тоже всё замечает. Сбивается, глухо кашлянув в кулак, а потом снова продолжает что-то рассеянно говорить, то и дело поглядывая в сторону алеющего Лютика. Чешет идеально выбритый подбородок, задерживаясь нечитаемым взглядом на Алисиных губах, спускается чуть ниже. К груди, целомудренно прикрытой серым передником...

Эй?!

Меня словно вспышкой накрывает желание встряхнуть и его.

Куда ты пялишься?!

Ты для неё не староват, нет?!

И мутит от честного ответа самому себе, что нет. Ни хрена Яныч не старый. Ему тридцать два, а Лютик уже совершеннолетняя. По идее – почему нет, но смотреть я на это всё равно не могу спокойно – лично для меня попахивает каким-то извращением!

Или бессильной удушающей ревностью... Бля...

Провожу пятерней по горлу, словно пытаюсь ослабить фантомную удавку, когда вижу, как Наумов, пока мы подходим в очереди, то и дело цепляет Алису оценивающим взглядом, пытаюсь не палиться.

Под ложечкой сосет ноющим холодком.

Да ну на хрен... Нет!

Не пойдёт он на связь со студенткой. Сколько я его знаю – это было табу.

Или... пойдёт?!

Хмуро взираю на Цветочек исподлобья. Я бы на его месте пошёл...

В висках начинает шуметь от таких мыслей, потому словно сквозь вату слышу, как Лютик ломким голоском, не забыв чувственное придыхание, щебечет, преданно смотря Наумову в глаза.

– Здравствуйте, Глеб Янович. Вам макарон положить?

– Кхм... – у него кадык ходуном ходит, – Да, Алис, спасибо.

Протягивает ей тарелку, которую она перехватывает на лету, касаясь его пальцев своими пальчиками. Вспыхивает тут же, шумно вдохнув.

– Вам сколько? – потупив глаза в пол, интересуется таким тоном будто уточняет отсосать ему прямо сейчас или попозже.

Бесит, Цветочек!

– И мне тоже положи, – не выдержав, напоминаю о себе громко, и пихаю свою тарелку прямо ей в лицо.

Мне тут же прилетает уничижительный взгляд. И как она только умудряется так быстро переобуваться.

– В очередь, Базов, – бросает холодно, мазнув по мне равнодушно глазами, и снова всё внимание Янычу. И опять потекла...!

– Как съездили в город? – воркует, так мило пылая румянцем.

– Хорошо, Алиса, спасибо, – Наумов косится на меня, очевидно чувствуя некоторую неловкость от такого вязкого Алискиного внимания.

И... Мне кажется, или он тоже слегка покраснел?!

От такого и у меня скулы начинают гореть. Только от злости...

– А вечером же у нас будет общий костёр? – с надеждой спрашивает Алиса, протягивая Янычу тарелку с горой мака-

рон, но не отдавая.

– Да, конечно, только не на побережье, а у нашей летней кухни у корпуса, – хрипло отзывается Наумов, плясь на ее рот.

– Это хорошо, – улыбается ему как в последний раз.

– Кхм... – откашливается Глеб, подвисая.

– Я сейчас с голоду помру, Лютик. Хватит любезничать! – рычу, чуть толкая Яныча локтем.

Тот, мигом встрепенувшись, забирает наконец у Алиски несчастную тарелку и двигается к Соне за котлетой. Рыжая провожает его умирающим взглядом.

– Эй! Есть кто?! – щелкаю пальцами у её лица.

– Какой ты нудный, а, – отмахивается лениво, забирая посуду из моей руки.

И ни тебе озорного взгляда, ни томного шепота... Она с таким же успехом бы нашему сторожу Ефиму Петровичу поесть накладывала... Коза!

Алиса совершенно безэмоциональна, а меня от этого лишь сильнее подрывает. И хочется её зацепить. Чтобы хоть глаза на меня подняла.

– Какой костёр? Мы же кататься на катере вечером едем, помнишь? – тихо бормочу, наклоняясь к ней через стойку раздачи.

– Это желание? – тут же поднимает на меня нечитаемый взгляд.

– Нет, но мы же договорились.

– Если нет, то я пропущу, – пожимает плечами, отворачиваясь.

– А если я запрещаю тебе к Глебу лезть, м? Как тебе такое желание? – шиплю, еще ближе подаваясь к ней и чуть не ныряя руками в тазик с несчастными макаронами.

Снова вскидывает на меня свои синие, ледяные для меня глаза.

– Ничего невыполнимого, помнишь? – хмыкает.

– То есть так течёшь, что не удержаться?

Вот тут попадаю точно в цель. Алиска мигом краснеет до самых ушей, и её гнев осязаемой жаркой волной мягко бьёт в меня в грудь. Так лучше, да...

Смотрим друг на друга, и аж внутренности горячо крутит. Ну, давай, Цветочек. Отбивай подачу...

Мы же играем, да?!

Но вместо ответа, Алиска демонстративно молча раскапывает черпаком самый большой слипшийся комок макарон и с размаху шлепает мне его на тарелку.

– Приятного аппетита, Артё-ём, – елейным голоском тянет, кивая, чтобы дальше двигался за котлетой к Соне.

Ха! Щаз!

– Что это за клейстер?! Ты наплевала туда что ли? Поме-няй! – швыряю ей тарелку обратно.

Режет по моему лицу быстрым враждебным взглядом и в следующую секунду расцветает мягкой улыбкой, так не вяжущейся с выражением её глаз.

– Не наплевала, но могу, – бархатно урчит Алиса, упираясь руками в столешницу раздачи и подаваясь ко мне грудью.

– Плюнуть? – шепчет нежно.

Почти как Глебу. Зазывно, сладко, м...

У меня пах тянет тяжестью от одного Алискиного тона. И по боку, что именно она говорит, если говорит это так.

Тоже наклоняюсь к ней. Почти целуемся носами, смотрим в глаза. Медовое дыхание на моей коже, розовые губы размыкаются... За спиной уже оживляются мои парни, подначивая, но они словно из другого мира что-то говорят. Только неясный общий шум вокруг будоражит и всё.

– Рискни, – предлагаю, почти касаясь её рта.

Чуть отклоняется. Глаз не отводит. В них мелькают синие всполохи огня. Чую нутром, что сейчас начудит, но как в замедленной съёмке всё. Я не за ней слежу, а смотрю эротический блокбастер, сидя в первом ряду.

Ловлю все детали. Как неспешно проводит по губам языком, как втягиваются щеки, набирая слюну, и как, продолжая смотреть мне прямо в глаза, она приоткрывает рот, и белая тонкая ниточка медленно как в порнухе капает на макароны.

– Охренеть, ты, рыжая... – бормочет Мот рядом со мной беспомощно, – У меня привстал.

Толкаю друга в бок локтем, но вообще я с ним согласен...

Машинально забираю у Алиски свою многострадальную тарелку с макаронами, а она вдруг смехом заливается.

– Артём! Что, уже не надо менять? Так съешь?

И вся нервно замершая толпа вокруг просто взрывается.

Угорают с меня.

– Тёмыч, вместо кетчупа что ли?... Давай, я плюну!...

Тёмка, я больше могу!

А я и не знал, что у нас тут выезд на природу всего состава «Камеди Клуб». Но по-настоящему меня волнует только одна шутница. Та, что довольно сверкает синими глазами напротив.

Отдаю ей обратно тарелку. Указательным пальцем подываю к себе. Перегибается через раздачу, пока мои губы почти не дотрагиваются до розовой мочки её ушей. Желание при этом прихватить сережку- гвоздик зубами очень высоко, но сдерживаюсь. Потом...

– Если так хочешь, чтобы я твою слюну попробовал, я знаю способы поинтересней, – шепчу ей, не обращая внимание на гвалт вокруг.

– Оставь все способы своим шлюшкам, Базов, мне неинтересно, – с победными нотками в голосе отзывается мой ядовитый Цветочек.

– Нет уж, Алиса, это тогда будет четвертое желание. Но обсудим вечером, да? Когда придешь...

Мигом отшатывается. По глазам вижу, что ей уже не смешно. Ну и отлично, будешь знать, как со мной играть...

Показываю ей четыре пальца, чтобы закрепить результат. Беззвучно артикулирую «желание», подмигиваю и, доволь-

ный собой, перемещаюсь к Соне за котлетой.
Так я и остался без макарон.

Глава 14. Алиса

Сегодняшний день тянулся нагретой патокой, никак не желая перетекать в вечер, который я так ждала.

Ведь вечером можно будет сорвать с себя этот уродливый передник, перестать носиться по раскаленной, душной и тесной кухне археологической базы, выслушивая занудные поручения Марьи Ивановны, принять прохладный, уже такой желанный душ, надеть какое-нибудь симпатичное лёгкое платье и прийти к общему костру около нашего корпуса, чтобы попеть песни, пообщаться с ребятами и, конечно, увидеть Глеба Яновича, который обещался тоже там быть.

Что будет после костра, я упорно старалась не думать.

На сколько мы там с Базовым договорились?

Десять минут массажа? Пф!

Намну так, что пятым его желанием будет отменить первые три и больше никогда меня не видеть – убеждала я себя, игнорируя щекочущий нервный холодок внизу живота, стоило подумать об Артёме и его хамских замашках.

Он просто неандерталец какой-то, а не нормальный человек.

Даже в столовую единственный из всех явился полуголый... С этими его плечами, как гребца, с позолоченной солнцем кожей, блестящей от влажной испарины, с ужасными прорисованными мышцами торса, треугольником уходя-

щими в пах, будто его только что отредактировал в фотошопе какой-то озабоченный художник, с рельефным прессом и черной выемкой пупка, с дорожкой жёстких волос ниже...

"Боже, я что? Правда буду трогать его?!" – мелькало в голове весь день потом после обеда.

И кончики пальцев тонко назойливо кололо, а в груди зрела злость на саму себя.

Почему я вообще обращаю на всё это внимание?

Плывать мне...

И при слове "плывать" беззвучно хихикала, вспоминая свою выходку, а рассеянная улыбка так и растягивала губы. И хотелось напевать, пока мыла посуду или резала морковь.

Да уж, "плывать" вышло и в прямом, и в переносном смысле.

А какое у Артёма при этом было лицо !!!М-м-м...

Правда, я ожидала немного другой реакции, а не этих впившихся в меня бездонных глаз с затопившими радужку, чёрными как ночь зрачками. Если бы взглядом можно было насиловать, то я бы уже не смогла ходить...

После обеда все кроме нас с девчонками отправились на море охладиться, а мы готовили полдник, изнывая от удушающей жары, усиленной работающими плитами и духовыми шкафами. На раздачу я больше не становилась от греха подальше и лишь наблюдала со стороны. После полдника наша группа снова пошла на раскопки, посвежевшая и веселая, а мы принялись за стряпанье ужина.

Я поняла одно. Дежурство на кухне здесь – суший ад.

Когда Марья Ивановна наконец отпустила нас с миром, было уже больше семи вечера, солнце краснело, клонясь к закату, а я натурально валилась с ног.

Доползли с девчонками до нашего домика и рухнули на кровати. Повалявшись с полчаса, чтобы прийти в себя, отправились в душевые. Здесь они были общие. Длинная кафельная комната на восемь кабинок на каждый этаж.

Я практически сразу выкрутила кран на ледяную воду. Отплевываясь и визжа, балдела под тугими обжигающими лютым холодом струями. После изматывающей жары бодрило так, будто второй раз родилась. Потом вместе с девчонками сушились по очереди у зеркала над умывальником в нашей коморке, красились, наряжались. Они в купальники и шорты, а я в летящий голубой сарафан.

Они собрались кататься на катере с Базовым и компанией, я же твёрдо решила продолжить покорять Наумова, и никакие покатушки на ватрушках не могли меня заинтересовать.

Тем более, с этими придурками! Зара с Соней хотят идти – пусть!

Хихикают, обсуждая, как поделить между собой этих тестостероновых особей?

Даже слушать не буду – они все идиоты.

Упорно делаю вид, что мне их болтовня глубоко безразлична, а внутри так и плещется, нарастая, непонятная обида и неприязнь.

Могли бы меня поддержать и с ними не ходить...!!!

– А тебе Базов точно не нужен? – интересуется Сонька, небрежно взбивая пальцами свои шикарные каштановые локоны. Они у неё такие тяжелые, упругие и переливаются завораживающим здоровым свечением, как в рекламе "Шаумы".

– Нет, конечно, а что? – отворачиваюсь тут же, чтобы скрыть вспыхнувший беспокойный блеск в глазах и, крася ресницы, смотрю на подружку через зеркало.

– Да, так... Тело у него – жара, – мечтательно закатывает глаза, – Я как утром в столовке увидела – аж вспотела.

– Да, торсик что надо, – хмыкает Зара, надевая поверх купальника вязаный топ.

– Зато мозгов нет, – бурчу, злясь на них. Нашли на кого смотреть!

Как кошки мартовские... Ну и подружки у меня!

Хотя, если честно, я действительно из них самая целомудренная. Нет, я не ханжа, но так вышло. Просто у Сони был парень ещё в школе, с которым она рассталась полгода назад – их любовь не выдержала расстояния, когда она поступила в Москву. А Зара давно помолвлена с каким-то деловым партнером её отца, и помолвку они скрепили лишением девственности невесты ещё перед её отъездом на учебу, хотя свадьба планируется только после окончания Зарой универа. Теперь её будущий муж часто приезжает к ней на выходные, и все каникулы она проводит в его семье. Для меня до

сих вопрос – любит ли она этого Наиля, сурового худошавого мужчину ближе к сорока. Но точно уважает.

А я... Я хочу, чтобы моим первым был Наумов.

– Для этого дела мозги не нужны, – хихикают хором девчонки за моей спиной и заливаются, смеясь.

– Ниже бы посмотреть, а то может там ключик маленький из шкафа выпадает, вот тогда точно можно и мозгах стрёмных заодно порассуждать, – Соня толкает меня бедром, чтобы подвинулась, и тоже принимается за макияж.

– Да нет, я слышала, как девчонки с третьего курса в туалете переговаривались, что нормально у Базова там всё, – вещает Зара сзади с видом знатока, – Ебёт как Боженька, и болт на пять.

Я вспыхиваю бордовым до корней волос, а подружки мои масляно ржут. Ну класс... Третьекурсницы переговаривались, делясь впечатлениями. То есть он еще и шлюх.

Впрочем, судя по его повадкам, более, чем ожидаемо...

– Ты что так покраснела, Алис? – хитро щурится Соня, – Может, хватит уже о Яныче мечтать и с нами пойдешь? Базов ведь явно запал на тебя. Видишь, отзывы хорошие... Ах-ах-аха!

Заливается, толкая меня в плечо. Шиплю невразумительно и возмущенно. Зара подходит сзади и меня обнимает. Смеётся тоже.

– Всё, не обижайся, Алиска, мы шутим. Но ты правда бы лучше с нами пошла. Нормальные они парни, ну да, немного

шумные... Зато повеселимся, отдохнем.

– Что-то не тянет меня на этот шум, – поджимаю раздосадовано губы, чувствуя, как червяк сомнений поднимает уродливую голову, – Вы забыли уже, как они в поезде себя вели?

Девчонки только глаза закатывают.

– Мы тоже не паиньки были, признай, особенно ты, – дует Соня подсвеченные блеском губы.

Смотрю на неё, на миг задумавшись. Может правда пойти, а?

Н-нет... Нет!

– Не нужен мне ваш Базов. Мне вообще на него плевать! – говорю горячее, чем хотелось бы, отметая эту идею.

– Но то, что плевать, вся столовка утром видела, Лиса! – девчонки опять угорают.

Да так заразительно, что я наконец расслабляюсь и хохочу вместе с ними. Все видели, да.

Глава 15. Алиса

Разделив пальцами подкрученные на концах локоны, кидаю на себя в зеркало последний оценивающий взгляд, наполняясь искрящей уверенностью в себе. Платье мне объективно идет. Небесно-голубое, наивное и в то же время невероятно эротичное: открытые плечи и ключицы, ниспадающие по рукам рукава-фонарики, игривые завязки на груди, приталенный силуэт и воздушный короткий подол колокольчиком.

Я чувствую в нём себя лёгкой как перышко и соблазнительной как мороженое в сорокоградусную жару, пока, перекинув распущенные волосы через плечо, завязываю на щиколотках атласные бантики своих сандалий.

– Ты точно к костру, а не на бал собралась, Алиска? – подначивают меня, хихикая, девчонки.

На них одежда попроще – практичные шорты, футболки, под ними купальники.

– Точно, видите обувь к ногам привязываю, чтобы как Золушка не потерять, – отзываюсь в тон.

Выходим из корпуса вместе и идем к открытой кухне за торцом здания.

Здесь уже все собралось. Летняя веранда, обвитая виноградом, ломится от количества набившегося туда народу, большой костёр развели практически сразу у начала выло-

женного старой плиткой пола. Сбоку поставили два мангала. Хоть все и ужинали, но кто же откажется от ночных сочных шашлыков. Стулья притащили из номеров, а кто и просто прикатил какие-то бревна.

Дневная жара, так мучавшая нас целый день наконец отступила, и в воздухе, наполненном стрекотанием сверчков, разлилась солоноватая, влажная от близкого моря прохлада, которую вдыхаешь поглубже и хочется петь. И звёзды над головой, до самого горизонта. Бездонное ночное небо и чернеющая степь под ним. А если прислушаться, то слышно волны...

Когда я пропитываюсь этим вечером, идя к кухне, внутри зарождается тревожный, сладковатый трепет. Тело охватывает едва ощутимая, на уровне вибрации, дрожь.

Будто предчувствие, что что-то случится, что-то произойдет со мной сегодня – будоражащее, новое, важное...

Глеба Яновича замечаю сразу – он сидит на бревне у самого костра и что-то весело рассказывает внимательно слушающим его студентам. Закусив губу, иду прямо к нему, больше ни на что вокруг не обращая внимание, пока буквально не врезаюсь в чью-то широкую, обтянутую белой футболкой грудь.

– Ну что, девчонки, идём? – глубокий голос Базова раздаётся аккурат над моей макушкой, и горячие мужские лапы, обжигая, ложатся на оголенные плечи.

Вскидываю вверх взгляд, но встретиться глазами с Артё-

мом мне не суждено, потому что всё его внимание утонуло в моём декольте. Настолько красноречиво, что, кажется, катать на катере он собрался только мою грудь!

Жарко вспыхиваю от этой возмутительной мысли и резко дёргаю плечами в попытке вырваться из его рук, но Базов лишь сильнее впивается стальными пальцами мне в кожу.

Но глаза всё же к лицу поднимает – хоть какой-то эффект.
– Милый сарафанчик, – хрипит, выразительно облизывая губы.

Озабоченный болван!

– Убери от меня свои клешни, – шиплю, снова недовольно поведя плечами.

Артём моргает заторможено и медленно убирает руки с таким видом, будто и сам не понял, когда успел меня схватить.

– Извини, – на губах кривая ухмылка и ни капли сожаления в голосе, – Ну что, пойдёмте, там Ярик с Мотом уже на пристань катер пригнали, ждут.

Только сейчас замечаю стоящего рядом с Базовым Кирилла. Правда Киру тоже не до меня – он занят тем, что пожирает глазами делающую вид, что ничего не замечает, Зару.

– Да, пошли, – отзывается Соня.

Делаю шаг в сторону от них и машу девчонкам.

– Отлично время провести, пока!

– А ты? – замирает Артём.

– Я же сказала, что не поеду.

Встречаемся глазами. Молчаливая дуэль. Упрямо поджигаю губы, видя, как у Базова желваки перекатываются под острыми скулами. Строптиво выгибаю бровь в ответ, всем видом показывая, что он, конечно, может потратить ещё одно желание и приказать, но сама я никакого желания проводить с ним время не испытываю.

И сердце вдруг срывается вскачь от мысли, что он всё-таки заставит. Настоят на своём, а я не смогу возразить, потому что такой договор. И потому что у него есть надомной определенная власть. От этого почему-то слабеют колени и низ живота странно влажно печёт. Рвано вдыхаю воздух ртом, размыкая сухие губы.

Прикажешь? Скажи...

– Эй, Баз, ты идёшь? – где-то на заднем фоне раздаётся голос Кира, взявшись под локотки моих девчонок.

Артём моргает и, щурясь, разрывает наш наэлектризованный зрительный контакт.

– Да как хочешь, – бросает глухо через плечо, разворачиваясь.

«Слабак!» – в сердцах мысленно кидаю ему в спину.

Я не хотела с ними идти. Я хочу посидеть с Глебом Яновичем у костра. Но я разочарована.

Глава 16. Артём

Старенький рыбацкий катер, кашляя, шумно урчит, когда выжимаю скорость и плавно захожу в поворот. Сзади на ватрушке, подсакивая на бьющих волнах, истошно и счастливо визжит Зара. А вот Кир, устроившийся с ней рядом и крепко держащий девчонку за руку, особо не визжит, потому что занят разглядыванием её подлетающих вверх от тряски оливковых ног.

Ну и знает, что переворачивать я их не буду. Уже совсем стемнело, да и рядом никого кроме нас на пустынном, полудиком пляже, так что это небезопасно. Но Заре знать о том, что ей ничего не угрожает, совершенно необязательно.

Мот с Яриком и Сонькой отплясывают на палубе под орущую колонку:

Танцы, мы устроим танцы. Ты такая классная, крутишься в пространстве.

Пьяными глазами хочется влюбляться.

В поднятых к небу пластиковых стаканчиках не подводящая домашняя «Изабелла» деда Коли.

Катер тоже его. Вернее, его сына. Дал нам на вечер за трёху, да ещё вот и полторашкой угостил и пакетом персиков.

В общем, гуляем! И всем весело... Кроме меня.

Делаю ещё вираж и сворачиваю к берегу. Пора Зару с ва-

грушки снимать. Накричалась.

Мы тут с ней единственные трезвые, но, думаю, её сейчас и без вина отлично вставит от адреналина. Хотя вряд ли Кирю это поможет. Пока грузились на катер, Зара объявила, что почти замужем, и Мельнику не на что рассчитывать.

Да и без официального заявления по её поведению это было заметно.

Да, веселится, болтает, но взгляд закрытый, нечитаемый, словно она за невидимой стеной. Нет заинтересованности, касаний не ищет...

Странное сочетание юной красивой девчонки, которую тянет хохотать и веселиться, и недоступной женщины, связанной обязательствами. Смесь, от которой, Кирюху моего совсем, похоже повело.

Даже жалко его становится, пока не вспоминаю, что сам вляпался в примерно такое же дерьмо.

Завтра не настанет, но сегодня танцы. На сегодня танцы, мы устроим танцы.

Орёт из колонки. Сонька в коротких джинсовых шортах извивается за моей спиной между Яриком и Мотом, которые вокруг неё словно два боевых петуха. Ещё чуть-чуть, и начнут толкаться, чтобы притереться к ней поближе. То и дело их руки мелькают на её талии и плечах. Сгущающаяся ночь скрывает мимолетные наглые касания, всем позволяя больше. Музыка долбит, смешиваясь с шумом волн, и кажется, что ты в каком-то беззаботном фильме, а не в реальности.

А я...

Я кошусь на танцующих друзей и не могу не думать, что Алискин голубой порно-сарафанчик был бы здесь очень кстати. Так и не понял, надела она под него лифчик или нет. Ещё и вырез такой низкий с этими спадающими рукавчиками по голым плечам, что надо совсем чуть-чуть пальцем вниз потянуть, чтобы увидеть то, что один раз она мне уже показала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.